76(47)
Е-15
П-12

И. Евдокимов
Провинция
Гравюры на
дереве

75

21 шш
хубеф.
Строб. 13158

7R053
~~64164~~

76(47)
Е 15

ИВАН
ЕВДОКИМОВ

ПРОВИНЦИЯ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ
ИВАНА ПАВЛОВА

720.53

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

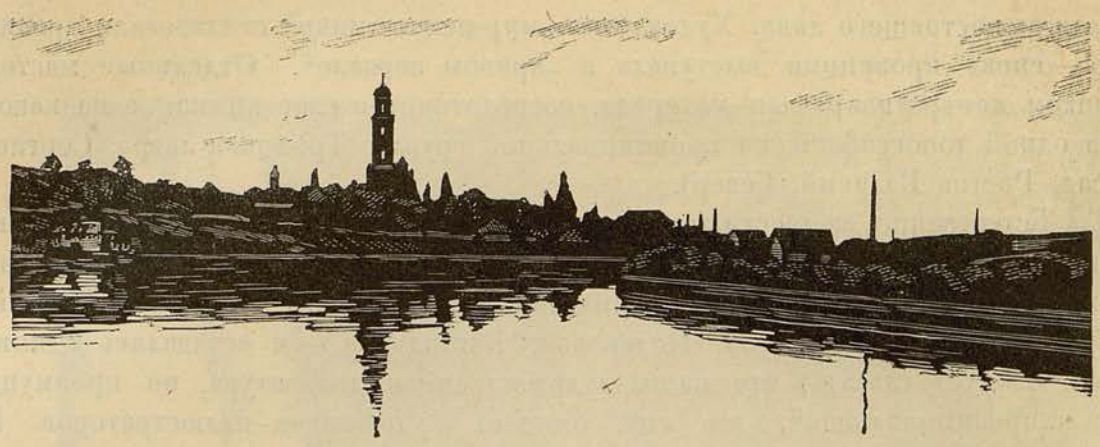
НЕ
ВЫДАЕТСЯ

К

ГОС. ТРЕТЬЯКОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Напечатано в количестве 2.000 экз.
в тип. Государств. Издательства
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 28488.
Гиз. № 2743.
○

Г.Т.Б. № 64464
58



Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы, но не станем вырывать старых.

М. П. Погодин

Провинция СССР со всем ее бытовым укладом давно получила любовное отражение на страницах нашей художественной литературы. Поэты и прозаики с большой скульптурной выразительностью и меткостью создали длинную галлерею типов из всех классов провинциального общества; вызвали к жизни в слове внешний облик городов, сел, деревень; как на географической карте, развернули наши огромные своеобразные равнины с их многочисленными реками, лесами, бесконечными большаками, проселками, полями... Но изображение провинции художниками кисти, резца, рисунка было удивительно бедно до самого последнего времени. Провинция в изобразительных искусствах в тесном смысле слова выступала чисто случайно, эпизодически. Пожалуй, знаменитые рисунки братьев Чернецовых первой половины XIX столетия являются единственной сюитой, всецело посвященной провинции. Многолистные карандашные альбомы Чернецовых, однако, не могут быть признаны особенно удачными со стороны подлинного, типичного отображения провинции. Часто отличные по выполнению, они совершенно случайны по выбору сюжета: зарисованы те места, где остановилась барка, возившая их по Волге. Конечно, не могут учитываться любительские попытки „написать" провинцию на местах: это не искусство, а рукомесло. Передвижники, охотно писавшие провинцию, подходили к ней как к материалу для выражения определенного строя мыслей, предвзято, преднамеренно, фотографически, не ула-

вливая ее настоящего лика. Художники „мир-искусстники“ стилизовали провинцию — снова провинция выступала в „кривом зеркале“. Отдельные мастера слишком конкретизировали материал, сосредоточивая свое внимание на какой-либо одной топографически провинциальной группе (Троицкая лавра, Сергиев-Посад, Ростов Великий, Север).

Естественно, за двести лет существования русской живописи, у некоторых крупных русских художников появлялись полотна исключительной внутренней правдивости о нашей провинции: например, у Венецианова, Федотова, Левитана, Саврасова, Серова, Врубеля, Поленовой, Кустодиева, — и оставались единичными. Следует сказать, что наша художественная литература, по преимуществу „провинциальная“, все еще ожидает художников-иллюстраторов. Не найдя в себе достаточно увлечения красочной провинцией для самостоятельных станковых произведений, наши художники остались равнодушными к посредствующему материалу о провинции в классических трудах литературы. Это глубокая, непонятная и в некоторой степени роковая ошибка: СССР только начинается на Красной площади, но свое великое продолжение имеет за Москвой в голубых, розовых, желтых и зеленых домиках провинции, на дорогах, на ночных плотах, в вагонах ж.-д. линий, на трудовых пашнях и лугах равнин, в настоящем, деревенском воздухе, с детства накаченном в наши легкие. И мимо всего этого прошли художники.

Нельзя отказать в некотором особенном пристрастии гравера И. Н. Павлова к провинции. Его альбомы: „Уходящая Русь“, „Уходящая Москва“, „Старая Москва“, „Уголки Москвы“, „Пейзаж“ и, наконец, выходящая книга „Провинция“ являются, собственно, какой-то провинциальной летописью в гравюрах. Не противоречит этому определению и то, что большая часть альбомов Павлова с изображением Москвы, но Москвы, именно, как провинции, как бы ее провинциальной ориентации. Гравер И. Н. Павлов многократно выезжал из Москвы в провинцию не как на летнюю дачу, а со специальными заданиями, на работу, за материалом для близких сердцу провинциальных тем. В результате четырехлетней работы составилась настоящая книга, последний труд гравера, подводящий итоги давнишнему интересу художника к провинции. Не случайно, конечно, и то, что И. Н. Павлов назвал свою книгу „Провинция“. „Провинциальный путь“ его начался альбомом „Уходящая Русь“ и как бы заканчивается „Провинцией“.

Не входя в художественную оценку сюиты из пяти предыдущих альбомов по существу, — это дело будущего историка нашей ксилографии и обозревателя творчества И. Н. Павлова, когда придет время, — необходимо сейчас же отметить известную стройность и даже монолитность осуществленных замыслов в сюите. Как у каждого из художников есть свои хулители и по-

СЕЛО ЛОВЦЫ

группы соборов, Рязанский дворец Олега, башня в Коломне, базары, заставы-въезды, касимовские гробницы, избы Василь-Сурска, меловые горы Жигулей, „беляны“, переходы в Белую палату, небо, облака — длинной вереницей, как на огромном свитке, как в бесшумном и медлительном кинематографе, развертываются перед глазами. Не все тут удачно, не все безукоризненно, как и во всякой человеческой работе. Бывавший подолгу в провинции и полюбивший провинцию не из окна вагона заметил бы в ней более красочные и сочные картины, более типичные и общие черты. Восприятия И. Н. Павлова не глубоки, не лишены порою „скольжения“ по объекту зрения, без всякого проникновения в глубину, но в пестряди его гравюр есть несомненное, подлинное ощущение провинции. Это немного выцветший, бледноватый по краскам, сарафан, грубовато сшитый, свисающий с плеч, но настоящий по узору и разляпистым цветам.

Даже безотносительно к мастерству, только с точки зрения содержания гравюр, И. Н. Павлов вносит немаловажный прибавок к иллюстрационному изображению провинции СССР. Кое-что не без основания надлежит заметить и в его живописной манере. Влюбленный в провинциальный пейзаж, И. Н. Павлов разрешил в своей живописной гравюре не без удачи ряд красочных эффектов. Поскольку старый гравер кажется вполне законченным художником, знающим свои силы, в цветной ксилографии „Провинции“ он стоит на обычном уровне — не поднимаясь и не опускаясь. Великий труженик, И. Н. Павлов, так удачно изображенный С. Герасимовым в карандашном рисунке, за любимой работой, за которой-то тысячей крепчайших пальмовых досок, с резцом в руке и с неизменной лупой у глаз, выпуская окончание провинциальной сюиты, делает свою очередную гравюрную страду.

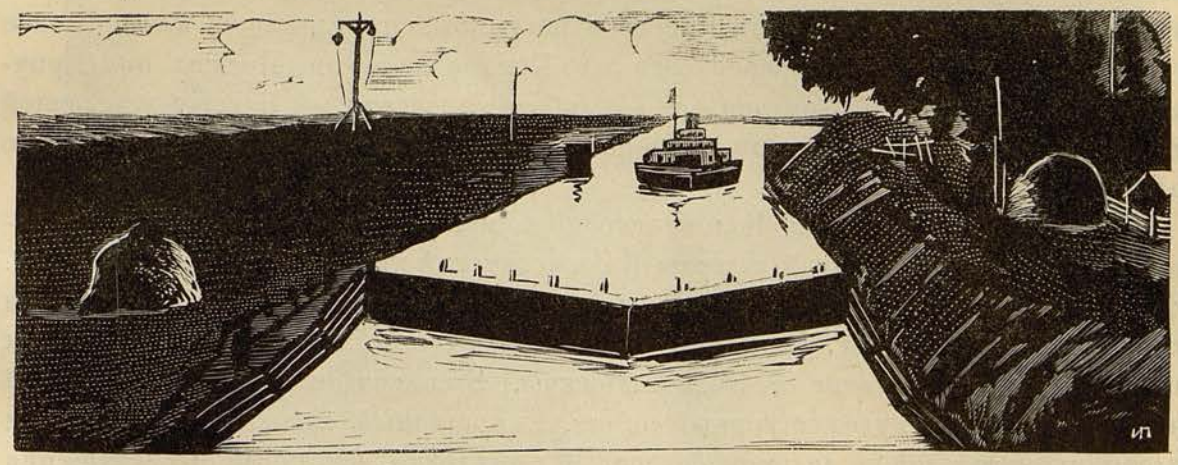
Пряные и незатейливые образы провинции СССР отныне будут считаться вызванными к жизни в редкой их полноте исключительно трудом и любовью И. Н. Павлова.

* * *

Окраины Москвы — уже провинция. В двух-трех верстах за Москвой словно никогда не слыхали о той сложной, беспокойной, суетливой жизни, какую ведет столица. И когда в вечерней мгле Москва горит тысячами огней с фантастическими заревыми небесами над ней, нельзя не почувствовать двух разных миров. Деревянные избы, крытые соломой, обложенные для тепла навозом почти до окон, журавли колодцев, в валенках старики-крестьяне в знойный июньский день, в домотканных портках, стада, свирель пастуха, терпкий запах деревни... И повсюду вкрапленные, как культурные оазисы, подмосковные — с колонными портиками, бельведерами, парками.

СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ

Живописный цветистый пейзаж с типично провинциальной стройкой по берегам Москва-реки начинается от Симонова,—древнего сторожа Москвы, и идет дальше, вглубь, до Коломны, на Оку, на Волгу, в костромскую глушь. Немногие знают этот речной путь на Рязань, богатый удивительными архитектурными ансамблями средневековья нашей страны, историческими местами, веселыми зеленеющими холмами... Знаменитые храмы с. Коломенского, Дьякова, Острова, Маркова, мелкопоместные усадьбы, частые деревни плывут позади и впереди парохода, отчалившего от Устьинского моста. Не-



понятно, необъяснимо, что рядом Москва, а вокруг — провинция, настоящая, сочная, краснощекая, землеробная провинция. Только изредка на шлюзе Перервы или на Сиверском вспомнится город, городская культура, технические достижения. Железнодорожные линии, разбегающиеся по всей СССР, увлекают созерцателя с быстротой, не позволяющей сосредоточиться, задуматься, насладиться красотой памятника, холма, рельефом местности; медлительность парохода как бы естественное условие для тихой и точнейшей работы гравера, для вбирания в себя зрительных впечатлений. И. Н. Павлов несколько раз делал этот поэтичный путь от Москвы. Однотонная гравюра Симонова монастыря с такой знакомой тонкой и высокой колокольней, загроможденная излишними подробностями окружающего ландшафта, шлюз на Перерве, шлюз Сиверский—первые знаки этого путешествия.

КОЛОМЕНСКОЕ

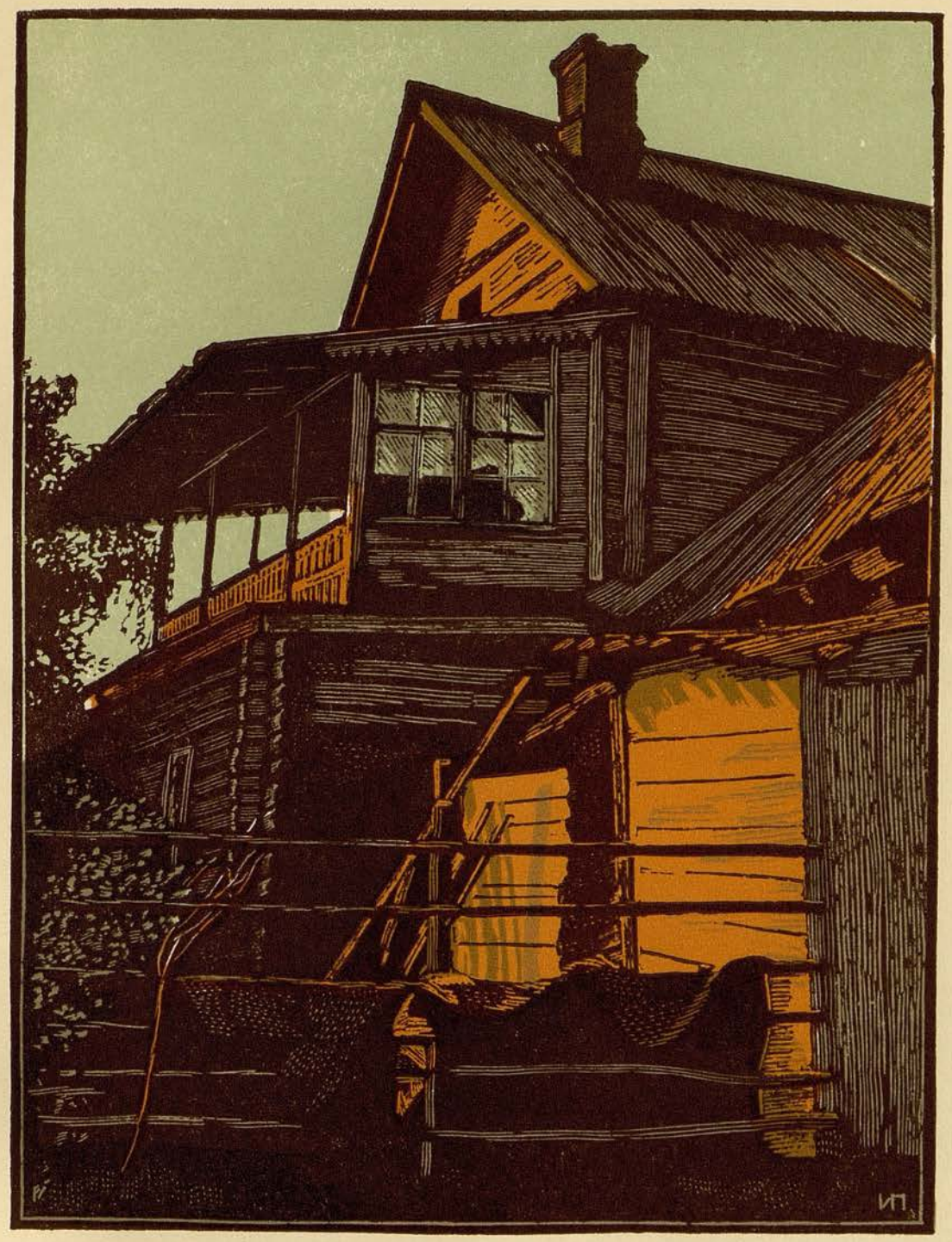
Древняя подмосковная, на дороге в Коломну (отсюда получила и наименование), упоминаемая в духовной Ивана Калиты от 1328 года, испокон веков великокняжеская усадьба, понятно, была построена в наиболее привлекательной по красоте местности. Действительно, пейзаж Коломенского под Москвой — лучший по разнообразию природы: тут овражки, там пригорок, там купы одиноких деревьев, дали, пестрое нагромождение лежащей на горизонте гигантской Москвы. Прекрасен вид на Коломенское из Москвы от Серпуховской заставы. Но, кажется, оно наиболее красиво с Курской железной дороги, от Царицына, когда много верст едешь, имея перед глазами знаменитую панораму.

Главное очарование Коломенского, конечно, исключительный по архитектуре, первый московский шатровый Вознесенский храм (постройки 1532 года). Это о нем записал летописец: „Бе же та церковь вельми чудна высотою и красотою и светлостью". Постройка Вознесенского шатра была целым событием тогдашней художественной жизни Москвы. Был создан первый каменный шатер, воплощен художественный образ, выношенный вековым напряжением плотничьих артелей на дальнем севере. И немудрено, что после его освящения в Коломенском три дня пировали.

И. Н. Павлов в многоцветной гравюре изобразил этот памятник, угадав основное в его архитектуре — стремление ввысь, линии шатра, изящные переходы „бочек" одна в другую. На переднем плане гравер дал темные пятна молодых парней и красные пятна девушек. Невольно делаешь сопоставления — старой, торжественной Московии и молодежи СССР. Около молчаливого памятника старого быта развертывается новая праздничная „красная" жизнь, словно подчеркнутая в гравюре.

В самом деле, разве не интересен этот контраст — сосредоточенных уверенных фигур деревни на фоне великокняжеского монументального памятника?

Занятный дачный домик в Коломенском, с немного грубоватыми эффектами красного и голубого тонов, вызывает в памяти причудливые хоромы XVII века, выстроенные в Коломенском Алексеем Михайловичем и в XVIII веке разобранные за ветхостью. На месте дворца, казавшегося



ДОМИК В С КОЛОМЕНСКОМ

в тогдашние времена чудом, „раззолоченной игрушкой, только что вынутой из ящика“, по запискам иностранца Райтенфельса, стоит скромный, деревянный домишко, некоторыми своими деталями восходящий, однако, к типам простонародных построек того же XVII столетия.

Умерло старое царское Коломенское с его дворцом, пышными соколинными охотами, фруктовыми садами, башнями—только осталась чудесная окружающая местность и строгий, величавый архитектурный шатер Вознесенья.

КОЛОМНА

У Коломны три лика: огромный машиностроительный завод, старый Кремль и провинциальное захолустье. Прослойки трех миров в одном теле. Три ступени его истории отразились на планировке города, придав ей типичное своеобразие.

Старый город, начавший жизнь в XII столетии, чувствуется в Кремле, занявшем середину города, в золотых глобусах куполов, в причудливых башнях, в рынках. Он, пожалуй, до сих пор дает основной колорит Коломне. Однако, невольно, бродя по старым руинам, вспоминаешь слова великого поэта:

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами—кресты, да кресты...
А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...
Путь степной—без конца, без исхода,
Степь да ветер, да ветер—и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

Гудки коломенского завода смешиваются с колокольным звоном, борются и, наконец, малиновый звон исчезает, и тогда весь город, старый Кремль, башни наполняются гулом зовущей к труду рабочей сирены.

И. Н. Павлов, к сожалению, представил только два образа Коломны: Пятницкую башню и на фоне ее обывательский дворик.

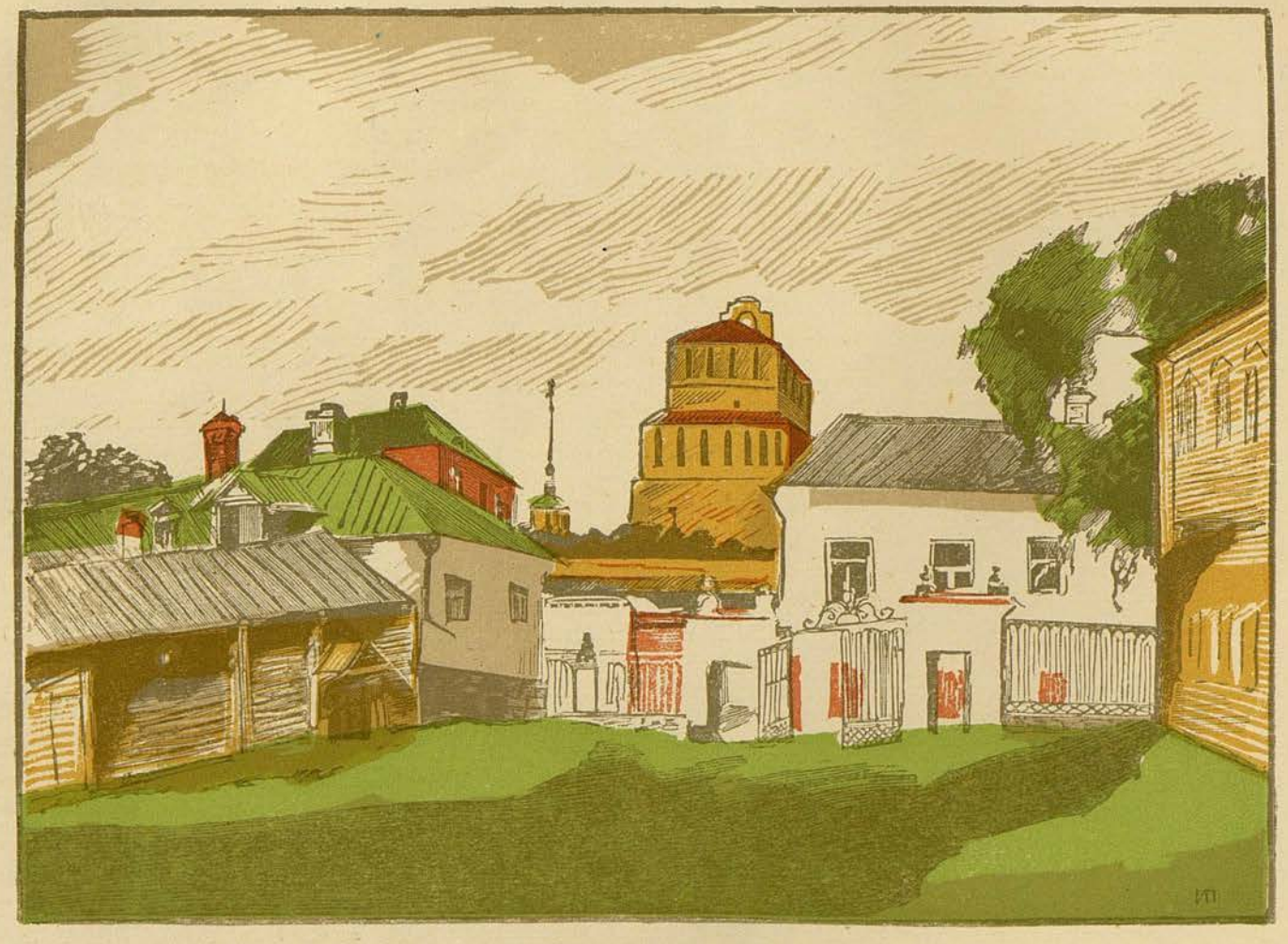
В гравюре Пятницкой башни с бытовой подробностью нашего времени—козой, лежащей у древнего памятника, сюжетно передан своеобычный провин-

циальный аромат. Тело башни сделано технически уверенной рукой, древняя архитектура во всей ее монументальности предстает в подлинном живописном богатстве. „Обывательский дворик“ обнаруживает вообще свойственный граверу недостаток—растрепанность композиции. Так удачно найдена точка, но передача отстает от замысла. Все же надо заметить, что характерное, провинциальное Коломны уловлено даже в неудаче. До полного представления Коломны, именно Коломны наших дней, ищешь хотя бы еще одной гравюры, посвященной заводу, рабочим, рабочему быту: при всем интернационализме пролетариата, Коломна, как определенная среда, и на него накладывает свой коломенский, провинциальный отпечаток.

РЯЗАНЬ

Древнейший город, когда-то столица Рязанского княжества... Старая и новая Рязань. Старше Москвы. „Летописный“ город, прославленный защитой от полчищ татар. Века наслоились на нем несколькими пластами. Старое, древнее смешалось с новым. Город прошлого. Сейчас он тихий, полузабытый, провинциальный, заснувший у своих древних памятников Бориса и Глеба, у дворца Олега Рязанского, стоящих на знаменитых берегах Трубежа. Пышная резиденция князей, тут же сложивших свои кости (в Крестовоздвиженском соборе), утопающий в садах, Рязань и в настоящее время наиболее красивый город среди всех центральных городов СССР.

Помимо произведений древне-русского искусства, Рязань обладает эффектным собором, выстроенным в XVIII столетии, и прекрасной Казаковской колокольней.

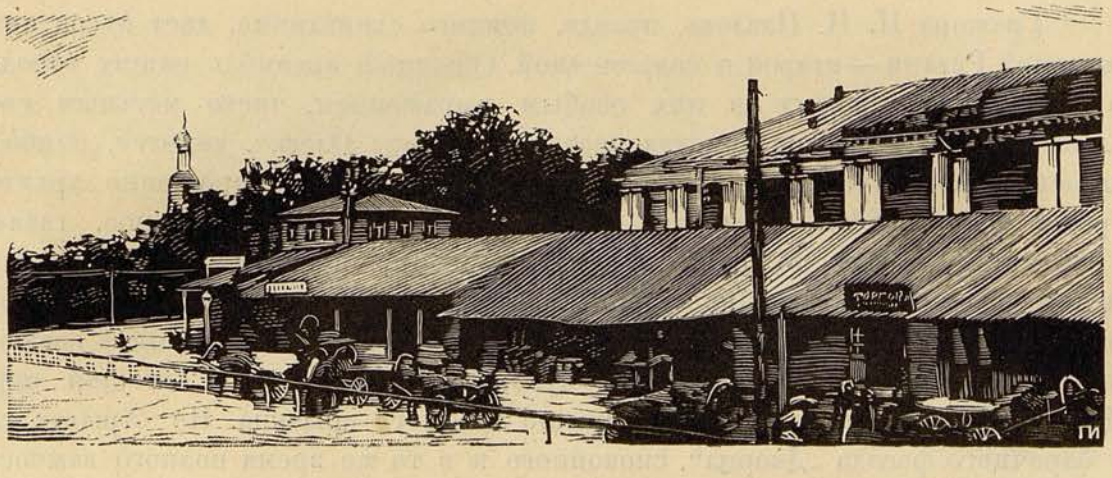


ДВОР В КОЛОМНЕ

Пятницкая башня в Коломне

Гравюра И. Н. Павлова, правда, немного схематично, дает кусок архитектурной Рязани — старой и современной. Обычный ансамбль наших городов, но с присущим каждому из них особым выражением, чисто местным, своевольным, оригинальным. Тоновая гравюра „Дворца Олега“, кажется, наиболее удалась из всей провинциальной сюиты. Трактуя слегка упрощенно архитектурные формы XVII столетия, Павлов умело схватил основное, главное в памятнике, таком по существу незатейливом, простом и таком живописном, красивом. Та патина старины, которая делает древние памятники особенно привлекательными, видна с убедительной ясностью в названной гравюре. Как-то хочется даже не заметить пухлый, мертвый снег, лежащий перед „Дворцом“ на баллюстраде и на крыше входного крыльца. Не отрывая глаз от барочного фасада „Дворца“, спокойного и в то же время полного важности,

некой торжественности, бессознательно чувствуешь, собственно, примитивную эпоху, в какую он создан, чувствуешь в этом примитивизме доморощенность, провинциализм. На-ряду с Казаковской колокольней, созданием одного из крупнейших наших зодчих XVIII века, „Дворец Олега“ — ценное создание XVII столетия и несомненная драгоценность Рязани. Вокруг, снова и снова, затейливые голубые, серые, желтые деревянные дома рязанцев, с крепкими воротами, балконами, скамейками у ворот, со скворешниками, дворняжками, полусказочный пейзаж избушек на курьих ножках; тут же белеющие каменные дома бывшего купечества, торговавшего хлебом и рогатым скотом; тут инде колонны, портики, ротонды особняков умершей помещичьей Рязани. В тихих и пустых улицах ночной Рязани жутко, каждая пядь земли — историческое прошлое, могилы... слишком, слишком много мертвецов. И в то же время удивительно красив древний из древних городов наших.



КАСИМОВ

Ока тянется на сотни верст, извиваясь змеей, пробираясь через Рязанскую землю к Волге, чтобы у Нижнего-Новгорода соединиться с ней. Огромные заливные луга, деревни, села, пристани, небольшие города встречаются на пути. Тишина пути поражает. Густонаселенная местность, но словно нет людей, словно полное равнодушие сковало их, им лень выйти на берег, высунуться из окна. В гравюрах И. Н. Павлова, посвященных Оке, с большой убедительностью, именно, передана эта пейзажная пустынность, безлюдье, большие массы воды, низкое огромное небо с холмистыми облаками, покой, сон, тишина... Все как будто вымерло, как будто только вчера прошли татары и разорили Рязанскую землю, угнали население, увели скот, где-то „рязанская земля“ пылит на степных дорогах, гонимая в „полон“. Живет только река, тащатся по ней пароходы, прижались в грудку барки на стоянке, летают чайки, а если покажется на высоком берегу пристань Исады, то вся утопающая в деревьях — одни крыши — или выглянет живописное зелено-синее село Ловцы — и опять тот же речной, с большими пространствами ландшафт. На 280 версте от Рязани Ока подходит к маленькому городку Касимову, называвшемуся прежде „городец Мещерский“. Ни в одном из городов СССР кажется, с такой яркостью не запечатлелась сумасбродная провинция, как в Касимове. Полутатарский город в прошлом, основанный перешедшими „на Русь“ татарскими ханами, названный по их имени Касимовым, обрусевший, но какой-то полу-русский даже теперь, удивительно он колоритен. Весь в оврагах, через которые переброшены по улицам деревянные крошечные мосты, гор-

Дворец Олега Рязанского XVII в

батый, кривой, запутанный, с грязью по колено, без всяких мостовых, живой XVII век, ошибочно принимаемый за XX. Тем же духом XVII столетия овеян касимовский базар, пахнущий кожаными и сафьяновыми изделиями (касимовская старая слава), лаптями, мочалом, грибами... Повсюду деревянная низенькая стройка, старые архитектурные типы, неизвестно когда зародившиеся — и тут же классическое здание гостиного двора, начала XIX столетия, необходимая принадлежность провинциального города,—здание стройное, красивое, одряхлевшее теперь, тут же два обелиска (со снятыми во время революции орлами) у заставы, тут же белый минарет с мечетью XV века, два куба гробниц касимовских царевичей (1555 года), ветхая церковь на базаре... Причудливые нагромождения самых разнообразных по стилям зданий разных веков, разных народов воспринимаются как гротеск совершенно неожиданный, забав-

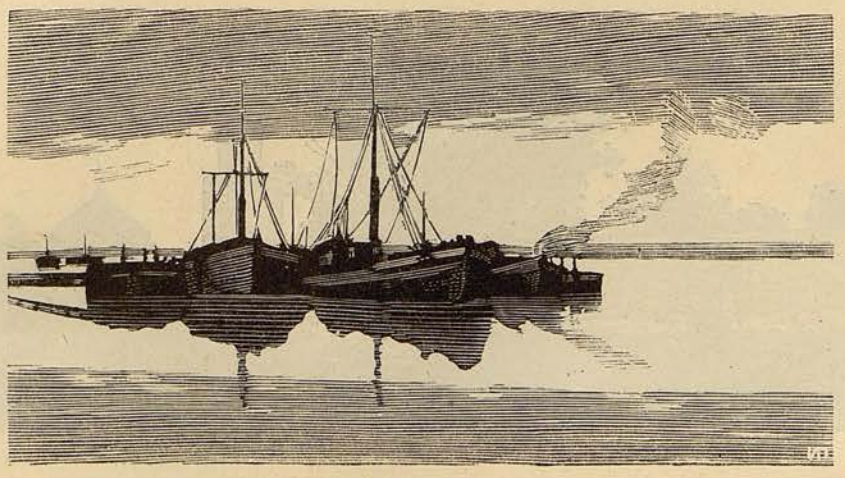
ный и немного грустный. Воистину только в СССР возможны соединения столь несоединимого. И как, надо признаться, знаменательно на нашей почве это мирное соседство базара, минарета, мечети, гробниц ханов, монастыря, классического портика и сафьяновых башмаков.

В цветной гравюре Павлов изобразил касимовский въезд — белые колонны-обелиски на переднем плане, бабы с коромыслами, овражек, вдали красный дом, густые заросли деревьев — типичная, знакомая картина провинции, стиль застав у сотен наших городов, усадеб, парков. И кто может угадать, что за этой классической заставой непролазная грязь, вавилонское столпотворение базара, крестьянские телеги, сосуны-жеребята, колокольчики и бубенчики под дугой, разноцветные платья баб, стройная колоннада полуобитаемого гостиного двора, вывеска лавочника Пискарева у двойни колонн, крик и гвалт неполадивших соседей, слепой старик с унылой домрой, сидящий прямо

в грязи и гнусавящий Лазаря, свежие калачи, жестяные жетоны с портретами Ленина и Троцкого и татарские мавзолеи времен Грозного. Навождение, ерунда, расстроенное воображение — нет — живая, полноводная, полнозвучная, полнокровная провинция. Гравюры Павлова сосредоточены на этих несовместимых на первый взгляд особенностях Касимова, его индивидуального обличья.

„Татарская“ часть — минарет, мечеть, гробницы-мавзолеи — даны в особой однотонной гравюре. Это прошлый Касимов, мало понятный на нашей Оке, оставивший кубы гробниц из крепкого белого камня и тяжелый мусульманский минарет с мечетью. Азия и СССР.

Покидая эти поминальные остатки прошлого, как-то само собой сознаешь, что Касимов вне их немыслим, он потерял бы без них весь свой экзотический аромат.



МУРОМ

Когда-то бойкий торговый городок, заметный на Оке, доживающий первую тысячу лет своего существования. Он и теперь не потерял прежней своей бойчины — Казанбургская железная дорога привела с собою шуструю, беспокойную, жизнерадостную рать рабочих, стучащую молотками, громыхающую паровозами, кричащую гудками мастерских, проходящую с музыкой и красными знаменами в дни революционных празднеств по улицам старика. Это продолжающаяся история, новая летопись, не записываемая в монастырях. Жив и старый Муром, колыбель былинного богатыря Ильи, молчаливый и красноречивый богатыми архитектурными памятниками.

72053

РЫНОК В КАСИМОВЕ

ГТБ 1944

ЗАСТАВА В КАСИМОВЕ

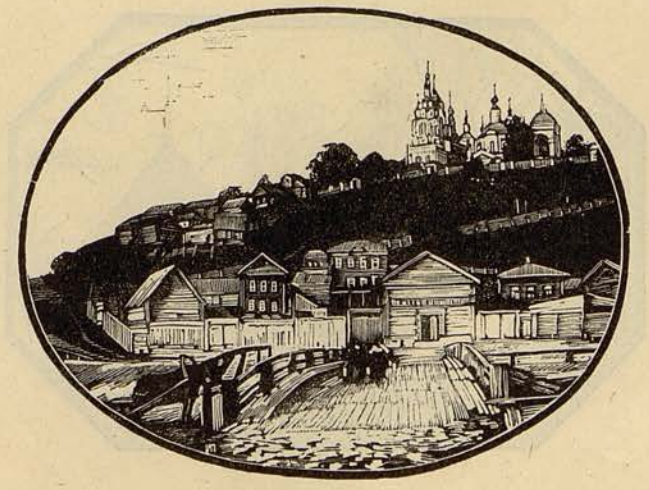
У самой Оки — Косьма и Дамиан — маленькая церковь XIV столетия; выше — церкви XVI — XVII столетий. Обсели грудно и тесно их деревянные домишки с заборами, садами, серые, приземистые, с геранями на окнах, с пестрыми набойными занавесками.

Памятники, переставшие управлять городом, потерявшие власть, переместившуюся к Казанбургской железной дороге, находятся в небрежении; никому не нужные, никем не охраняются, быстро дряхлеют, теряют обваливающиеся наличники окон, линяют под дождями, оседают, словно уходят в землю, пытаются напомнить о себе праздничным звоном, тщетно надеясь отсрочить

неизбежную гибель. Пора на покой! Выбывшие из жизни, они полны все же чисто музейного интереса, как свидетели прошедшей художественной деятельности Мурома, русского искусства, умения безыменных зодчих древности украшать свой город, живописать архитектурой, декорировать площади, концы, базары, укромные уголки, они необходимы как страницы в неразрозненном фолианте истории. Павлов одну из этих маленьких исторических реликвий Мурома выгравировал в восьмигранной миниатюре, соединив в ней воедино неумирающий избяной тип русского дома и вечно обновляющийся древнерусский забор-тын нашей деревянной провинции. И Муром отображен в его исторической малости и типичности.

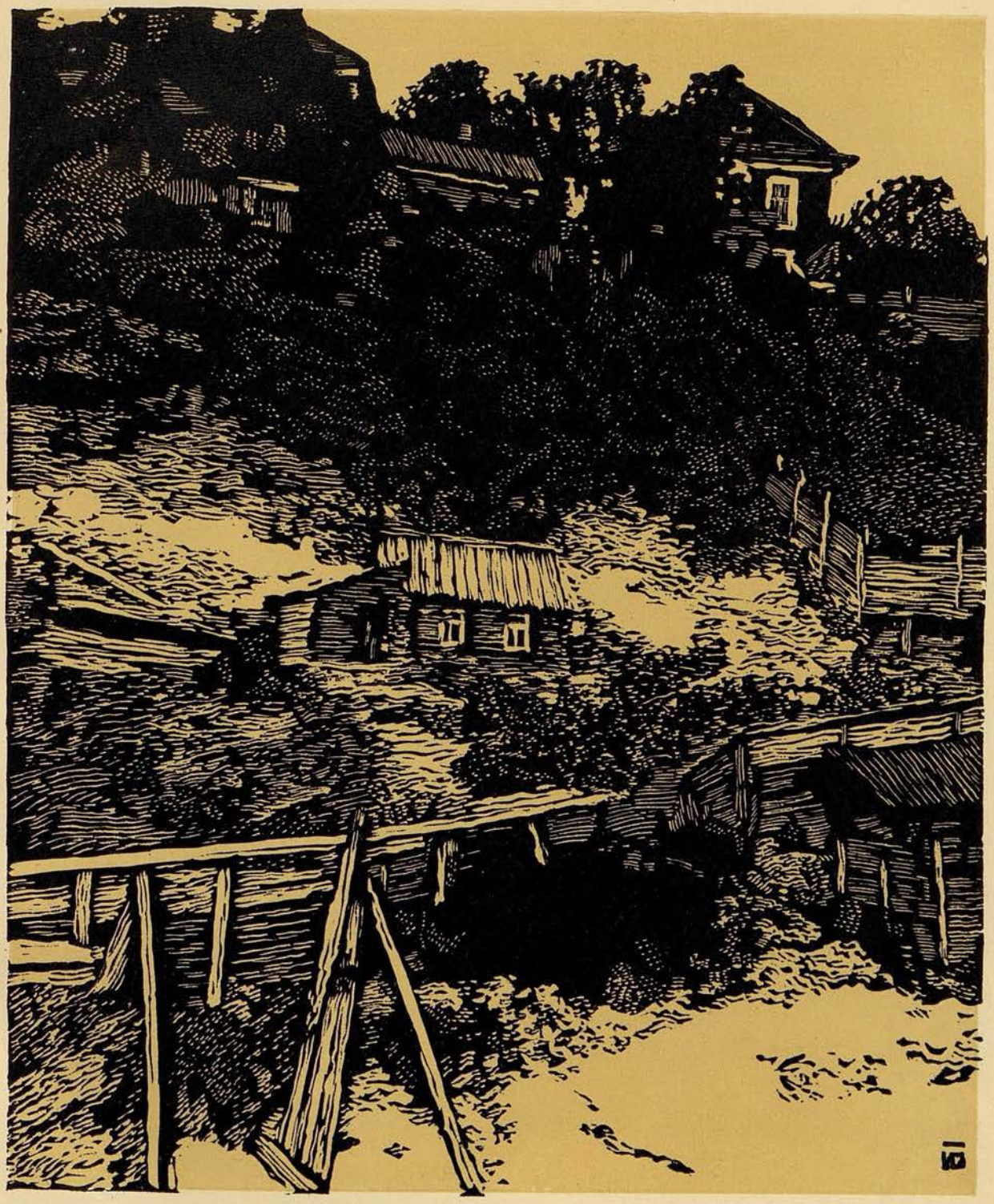
ПАВЛОВО

Упраздненный в XVIII столетии „град Павлов". В настоящее время большое село, населенное кустарями-металлистами, выделывающими известные в СССР инструменты и ножи. Трудовое село расположено в одном из красивейших мест на Оке, на высочайшем берегу, с которого открываются широкие перспективы во все стороны. Очень любопытна сама топография села,



напоминающая Касимов, — глубокие овраги, рытвины, канавы, сады, улички, сбегающие к реке. Тут инде встали шатровые церкви, поднимающиеся над изломанной, аритмичной линией серых кровель деревянной застройки. Павлов прельстился богатыми пейзажными возможностями села.

Однотонная гравюра изображает полусгнившие заборы, сараи, какую-то крошечную избушку вглубине, сады, ползущие по круче и, наконец, наверху дома кустарей. В этом пейзаже, без поражающих глаз контрастов, простом, заурядном, таится большое очарование красоты. Сотни тысяч, миллионы русских людей, проводящих свою жизнь в провинции, с детства связаны, именно, с такими скромными, поэтичными уголками нашей природы, влиявшими на душу их, быть может, с совершенно не учтенной доселе силой и значимостью.



СЕЛО ПАВЛОВО

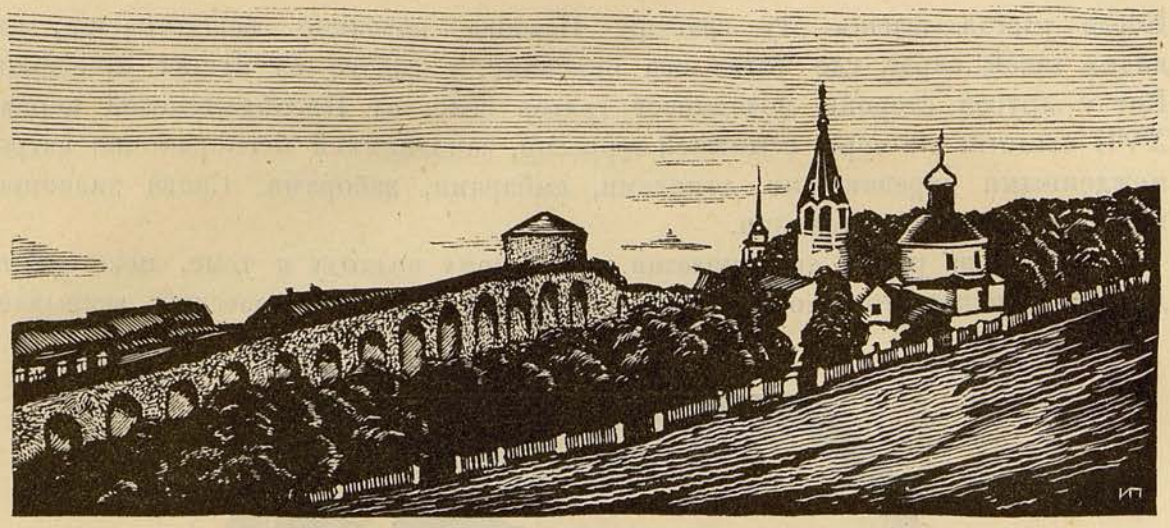
СЕЛО ПАВЛОВО

Когда разглядываешь эту гравюру Павлова, невольно вспоминаешь, где видел такой овраг, где читал его описание, у какого из наших классиков? Вот с другой стороны показывает гравер село: от Преображенской церкви XVII столетия на горе, с нижней террасой, заполненной беспорядочно нагроможденными деревянными домиками, амбарами, заборами. Снова знакомые места, знакомые композиции.

Гравюра рынка холодноватая по общему подходу к теме, некоторыми деталями, например, изображением широкого навеса с вывеской, вскрывает

чисто интимную прелесть провинциального быта. В других двух гравюрах — варьяции тех же мотивов природы и деревянной архитектуры с. Павлова. Если до сих пор мы рассматривали провинцию преимущественно городскую, то в Павлове прошла перед нами провинция деревенская, кустарная. И те же родственные, пряные, общие черты обнаружились в ней.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.



НИЖНИЙ-НОВГОРОД

Грандиозные просторы воды — слияние Оки с Волгой, пароходы, барки, плоты, лодки, склады товаров, неумолкающее ни днем, ни ночью оживление, шум, крики, грохот... Это Нижний-Новгород, богатая столица Волги, город, воспетый в народных песнях, старый дозорный „московского государства" в борьбе за Казань и Астрахань, главный опорный пункт в Смутное время...

Протекшие столетия оставили на его почве многие памятники былой жизни, не дошедшие в желательной неприкосновенности, перестроенные, но до сих пор стоящие на площадях, на древних концах вещественными знаками. Архангельский, Преображенский, Благовещенский соборы XII — XIX столетий, кремлевские стены XVI столетия (искаженные в XIX веке), Печерский монастырь (1632 год), Рождественская церковь, купеческие и дворянские особняки перемешались с убогой деревянной стройкой окраин в цветистом провинциальном пейзаже. Знаменитый город, бывшее сердце нашей буржуазии, бившееся полным напором в Макарьевскую ярмарку, слышное по всей стране,— город, родивший гениального математика Лобачевского, основателя музыкальной „кучки" Балакирева, Мельникова-Печерского, Боборыкина, Добролюбова, Максима Горького, все же глубоко провинциален, и специфический провинциальный колорит его сопровождает зрителя почти в любом из пунктов, казалось бы, самого европеизированного Нижнего. Смесь Нижегородского с французским жива и в наши дни. Пожалуй это и неизбежно в бывшем купеческом

БАШНЯ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ

городе, хранящем такой архитектурный шедевр стиля барокко, как роскошно орнаментированная и исключительная по рисунку церковь Рождества, воздвигнутая „именитыми“ купцами Строгановыми.

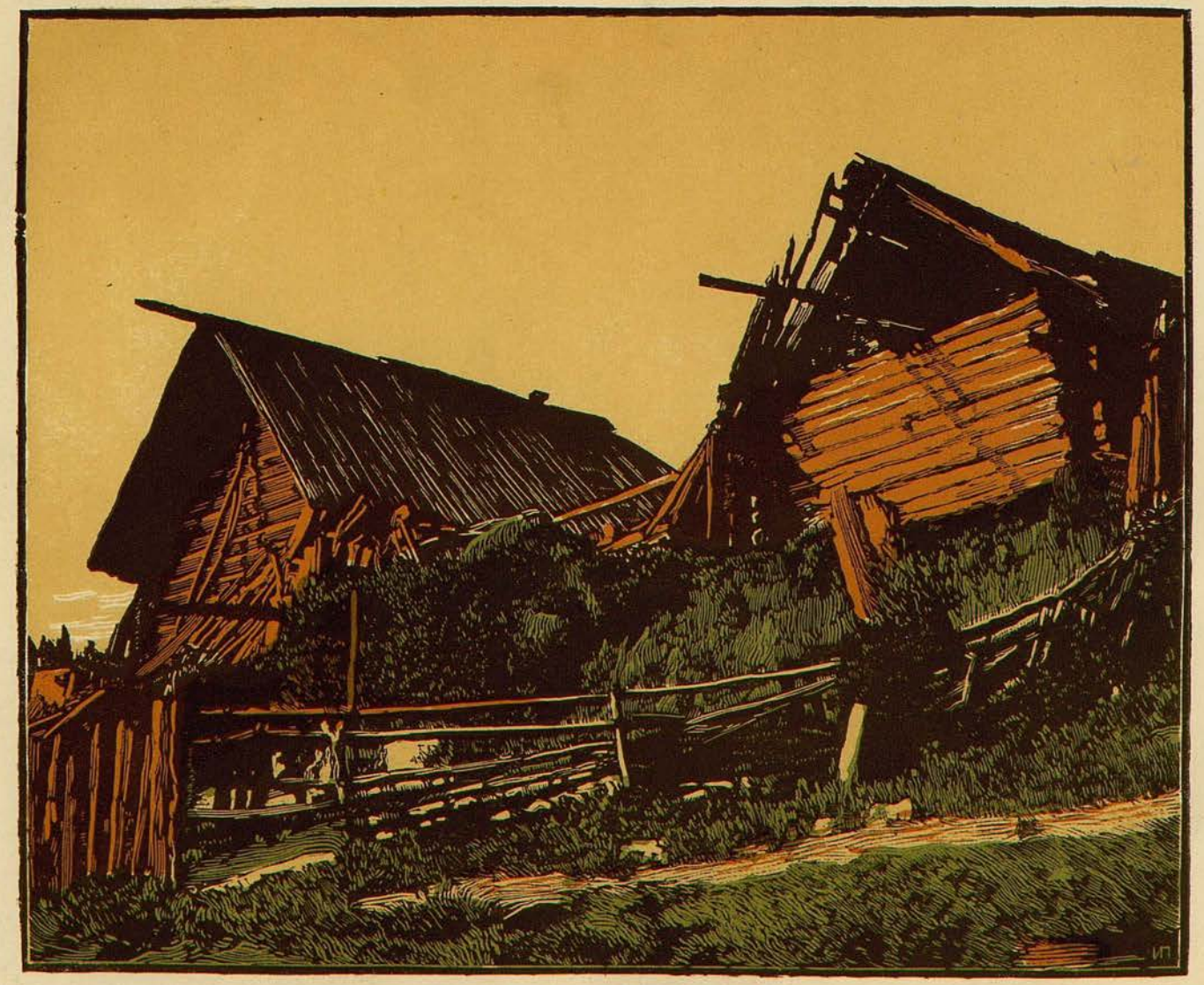
Пестрота набойки, яркие цвета платья, любовь к внешней цветистости жилья, необузданные вкусом вычуры и выдумки, внутренняя некультурность и азиатчина, безраздельное господство „нутра“ над „солнцем ума“, самодурство „нрава“, — все это так близко купечеству и вместе с ним всей провинции. В Нижнем только с бо́льшей интенсивностью выразились общие черты. Город и новый и старый красив всей суммой своих живописных подробностей.

Но главная красота Нижнего, конечно, Волга, слияние Оки и Волги. В гравюрах Павлова на нее и обращено исключительное внимание, архитектура Нижнего только намечена узкой береговой линией. Безоглядная даль, утопающая в перламутровом свете вечереющего дня, бесконечная игра света, золотая пыль, подымающаяся от воды тончайшим, словно нематериальным газом, серая, грозная, великая наша река, бездна неба над нею, — это такая потрясающая по торжественности, по монументальности, по могучести композиции картина, какой больше нет в СССР. И во всякое время дня и ночи эта бессмертная картина Волги, бессменная декорация Нижнего—удивительна. Это словно символ нашего великого союза республик, могучий становой хребет, на котором выросло гигантское тело страны. Надо, приходится удивляться, что наши художники-пейзажисты до сих пор не увлеклись благодарной задачей изображения Волги под Нижним, или они потерпели неудачу в неравной борьбе с колоссальной трудности сюжетом и не рискнули возобновить борьбу.

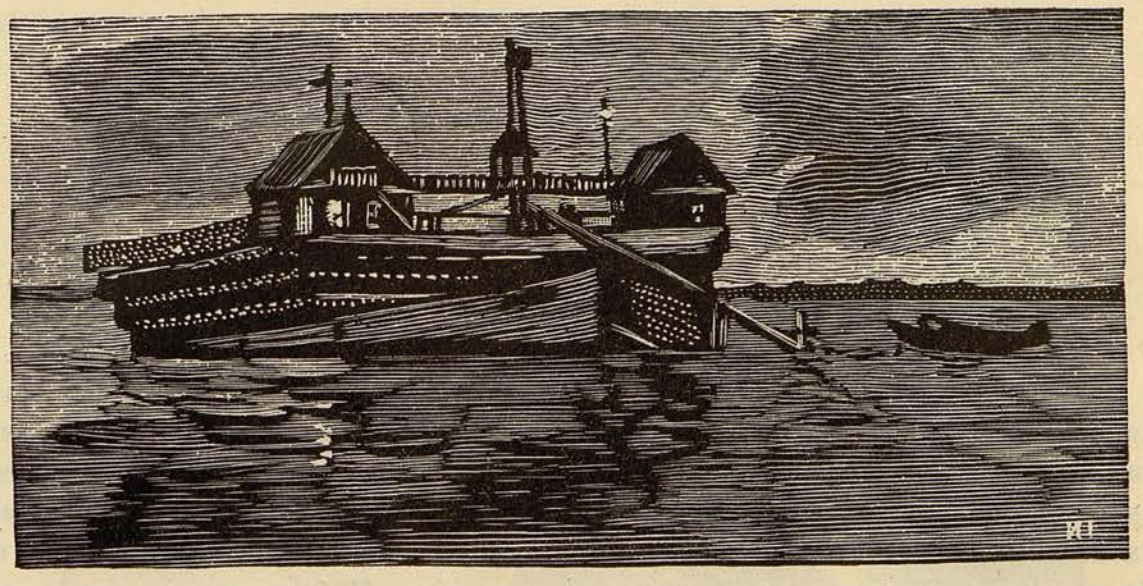
При всей интересности освещения Волги в гравюре Павлова, нельзя сказать и о нем, как о торжествующем над сюжетом.

ВАСИЛЬ-СУРСК

Ниже Нижнего в устье реки Суры, впадающей справа в Волгу, притаился маленький городок, основанный в 1523 году. Устройство городка в эпоху последовательного овладения московского государства Волгой и казанским царством имело военные цели. В этом году казанский хан Саиб-Гирей во время ярмарки приказал умертвить до тысячи наших купцов и вместе с ними посла Василия III Поджогина. Москва воспользовалась этим и начала поход на Казань. Поход был неудачен, до Казани не могли дойти, но московская рать перекинулась на Суру, отняла часть земель у живших тут под властью Казани черемис и заложила „крепость-город", названный в честь Василия III, Васильевым городом. В результате похода Москва придвинулась ближе к Казани. С прошлым Василь-Сурска связывается красивая легенда. Видимо, полуразбойничий в начале своего существования, он имел славу „греховного города". Легенда гласит, как во время одного крестного хода в Василь-Сурске сдвинулась со своего места и пошла за народом церковь, перешла за Волгу, остановилась у озера Нестиар и стала незримой, только в ночь с 22 на 23 июня колокола ее откликаются колоколам града Китежа у озера Светлояра. В гравюрах Павлова — современный, нелегендарный, бытовой Василь-Сурск с перевозом на ту сторону Волги на огромном баркасе обитателей города вместе с их лошадками, кладью, или группа крестьян, ожидающих перевоза с другого берега. Когда-то, когда-то неуклюжее судно, по типу, наверное, XV — XVI столетий, вернется обратно, преодолеет громадную быструю Волгу. Торопиться не любит провинциальный перевозчик, он медленно и важно „воздымает" тяжелое бревно, именуемое веслом, внимательно глядит на „матушку Волгу", рассматривает ее сосредоточенно и закуривает недалеко от берега, останавливая на это время свой баркас. На берегу подождут: не последний раз едем! Цветная гравюра василь-сурских изб с энергичными линиями двухскатных кровель, с острым князьком, „древяна клецки", „обло", на приволжском откосе дает интересные формы провинциальной избяной древней архитектуры. И как распространен, общенароден тип: такие же мощные, сочные избы стоят на далеком севере: на Сухоне, Рабанге, Уфтюге, Северной Двине, Пинеге, Печоре, на Коле, на Мурмане, только еще более внушительнее, красивее и строже. В Василь-Сурск они пришли с севера—с Топсы, Конецгорья, Шеринги, Ракулы, Березников, Усть-Моржа, Чухчерьмы, Залывья, Слуды, Выи, Селища, от Трифона, от Николы-на-Корешках.



ИЗБЫ В ВАСИЛЬ-СУРСКЕ



ЖИГУЛИ

Волга и Жигули неразрывны друг с другом. Слава о Жигулях идет из глубокой древности. Как ни красива Волга на всем своем многотысячном протяжении, молва из века в век передает о Жигулях самые восторженные слова. А у подножья Жигулей опять и снова бытовая провинция, провинциальный пейзаж.

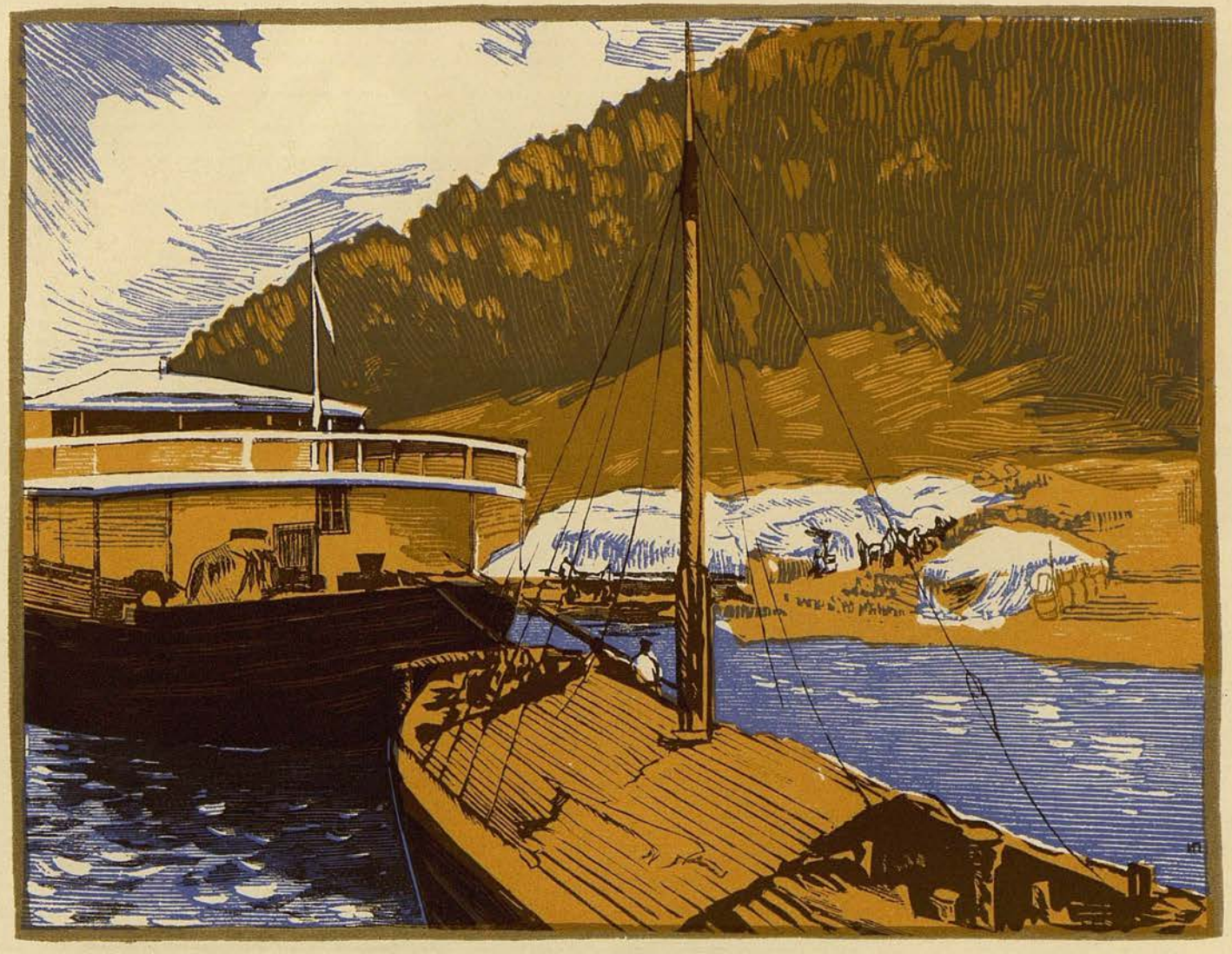
Две красочных гравюры Павлова передают Жигули. На одной из них террасами спускающийся разноцветный берег, напоминающий опрокинутый дном вверх большой корабль, у самого берега встал отдохнуть крошечный буксир, бороздящий всю навигацию вдоль и поперек Волгу, синеет вода, синеет небо,—древние геологические эпохи воздвигли неумирающие памятники своей неустанной деятельности. На другой гравюре—у тех же берегов представлен человек за работой: пристань, стоит нагруженное судно, идет разгрузка товаров на берег, трепещет жизнь, такая обыкновенная, незначительная и важная в то же время, трудовая, созидающая, строящая... И трудно сказать, где больше красоты, живописности—в застывших ли берегах, в работе космических сил, или в этой выгрузке товаров рабочими-грузчиками, причалившими к берегу на своих утлых суденышках?

РЕШМА. КИНЕШМА

Выше Нижнего, к Костроме... Пристань. Высокий берег с расползшимися по нему маленькими, деревянными рыбачьими домишками, старыми, ветхими, но еще сохраняющими следы раскрашенных когда-то ставень. Макарьева пустынь. Молчат колокола. Церкви заперты: не служат давно. Перевелись монахи. Мужики тут же под берегом продают с лодок стерлядей или гонят по Волге плоты. Женщины в Решме плетут кружева. И будут проходить новые столетия, а Решма будет спокойно и деловито трудиться, ловить рыбу, гнать плоты, плести кружева, смотреть на красавицу Волгу, привлекать с парохода взоры своим местоположением и живописно разбросанной стройкой. Глушь, дичь, одиночество, но для решмяка родина, и с каким душевным волнением он сюда возвращается, если какие-нибудь обстоятельства надолго угонят его в другие места Республики!

Кинешма—шустрый рабочий город выше Решмы, расположившийся на впадающих в Волгу речках Кинешемке и Кизахе. Новое — в нем главное. И в этом полная противоположность Решме. По примеру старых городов когда-то в нем был земляной вал и сухой ров. В 1429 году был разгромлен татарами. Старая Кинешма живет в нескольких церковных памятниках. Павлов дал соединенную гравюру старой и новой Кинешмы: на гравюре древняя часовня с небольшим шатром и восьмигранник XVII столетия соседят с фабричными корпусами. Удобные пристани, образующиеся в устьях речек Кинешемки и Кизахи — будущее Кинешмы. Все блага городской культуры — кинематограф, театр, лекции, концерты, шумящие фабрики и заводы, огромные каменные дома — создают новый тип города среди чудной по живописности природы, пережившей старую Кинешму, украшающую новую Кинешму. Но как-то особо, часто комически преломляется в провинциальном истолковании вся эта городская культура, обрастает своеобразием, местным творчеством, облекается в совершенно неожиданные одежды. Минуют один-другой десяток лет, старая Кинешма отодвинется еще глубже во времени, сегодняшнее станет вчерашним, придет новая смена, но, кажется, никогда не умрет самый темп медлительной провинциальной жизни. Кинешма не удерживает надолго художника.

ЖИГУЛИ

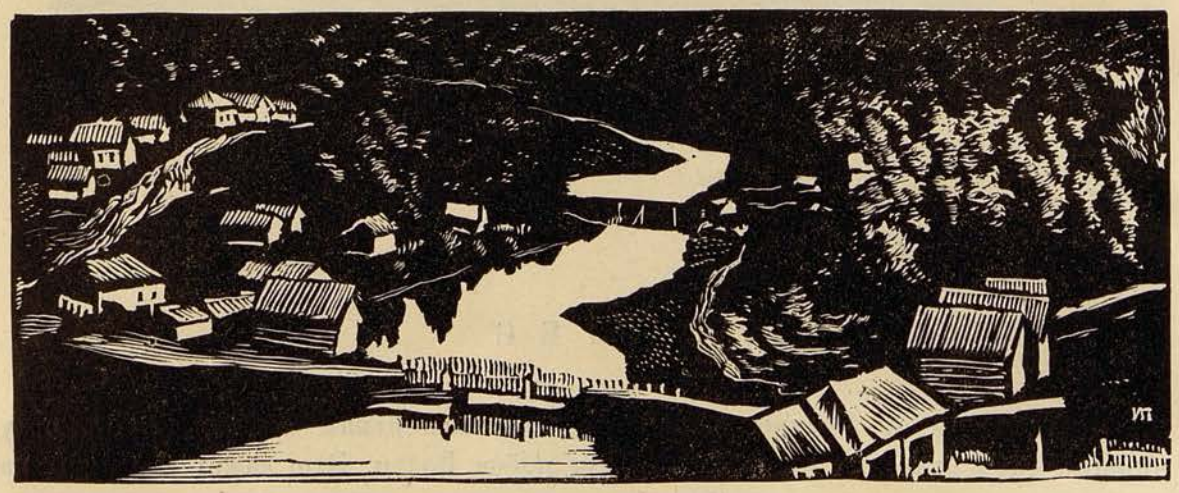


ВОЛГА У ЖИГУЛЕЙ

ПЛЕС

Недалеко от Костромы расположился маленький городок Плёс, получивший свое название от широкого тут плёса Волги. Это, кажется, самый маленький городок на свете и, быть может, один из самых обворожительных по местоположению. Основан он в 1409 году при Василии Дмитриевиче. Скромная, какая-то „заштатная“ история только один раз, в 1540 году, возносит Плёс на известную высоту: около города происходит ожесточенная битва с татарами, закончившаяся победой московской рати. „Смолкнул бой“—и Плёс погружается в тихое и дремотное забвение, в котором пребывает до сих пор, мало кому известный даже по наименованию. „Открыли“ и оценили его в новейшее время художники. И кто только из них не перебывал здесь за „вдохновениями“ и не поработал над этюдами прекрасных окрестностей Плёса. Старая „клинчатая“ церквушка со звонницей, стоявшая на невысоком холме в городе, была предметом особенной любви художников. Едва ли еще найдется другой памятник древне-русского зодчества, такое множество раз зарисованный и написанный, как эта церквушка В знаменитой картине И. Левитана „Над вечным покоем“ увековечены ее формы с исключительной поэтической силой. Весь пейзаж в этой картине взят с натуры под Вышним-Волочком, но церквушка из Плёса С городом Плёсом, сыгравшим большое значение в творчестве Левитана, связываются такие его благоуханные вещи, как „Золотой Плёс“, „После дождя“ и „Тихая обитель“.

Теперь в Плёсе церквущки уже нет: она сгорела несколько лет назад. Ребятишки играли у ее замшавелых стен, курили и забросили окурок. Но пейзаж все тот же вокруг — чарующий и пленительный. Павлов передал один из интимных уголков Плёса, где так отрадно посидеть, собраться с мыслями, успокоиться от треволнений жизни. Художник, повидимому, не рискнул изобразить основное и главное в пейзаже Плёса — Волгу, дабы избежать повторения знакомой темы. Выбор места объяснялся, кажется, и специальными задачами — вскрыть провинциальный характер изображаемого.



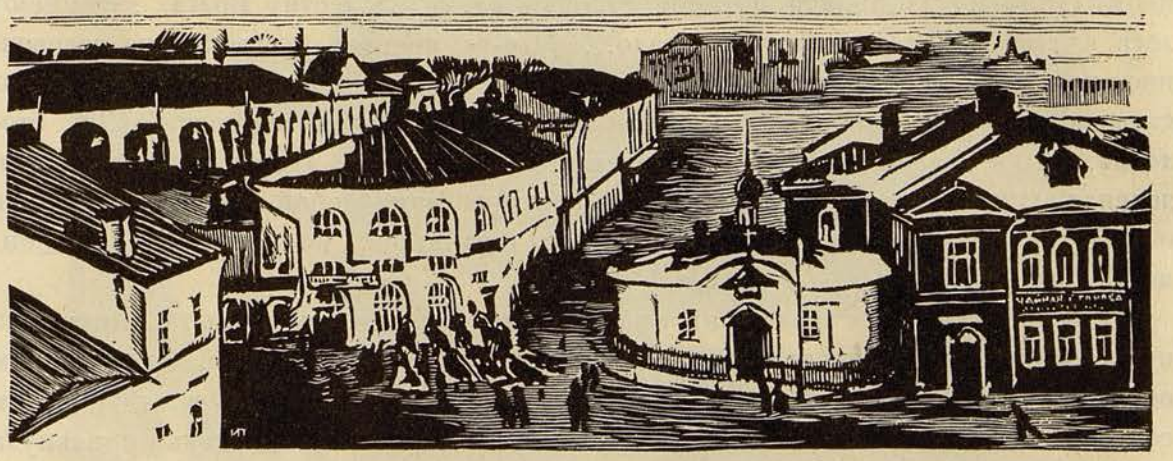
КОСТРОМА

Все города на Волге, каждый по-своему, красивы, но некоторые из них настолько насыщены красотой, что должны быть выделены. Все права на выделение за Костромой. Едва покажутся в синеющей дали белые колокольни, купола, кресты, темные массы городской стройки под ними,—уже сразу возникает сказочный образ древнего, былинного города. Вблизи, вплотную, Кострома еще очаровательнее всем своим ансамблем старины, всей своей провинциальной теснотой, уютностью, богатством красок. Надо дивоваться тому вкусу древних строителей, которые умели использовать основные, главные точки местности, занять их, чтобы при дальнейшем расширении города все наслоения свободно и как-то само собой только усиливали основной замысел. Ряд столетий костромичи строили и, сообразно со вкусами своего времени, строили поразному, но ансамбль приобретал от каждого нового века бо́льшую выразительность. Если бы возможно было расчленить Кострому на ряд вековых групп,

В ИПАТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

по стилю совершенно различных, было бы совсем не трудно уловить общее выражение стиля, который их объединяет. Создана нерасторжимая, цельная, компактная декорация, одна грандиозная постройка, в которой отдельные архитектурные моменты являются деталями, как бы орнаментацией главного тела здания. Приволжское положение города в современных условиях развития промышленности и торговли вносит в ансамбль города новые элементы, которые, однако, придают замечательному городу лишь новую остроту и значимость. Сообразно с этим разделением города и население его разбивается на две внешне противоположные стихии.

На берегу Волги кипит, бурлит, грохочет рабочий люд, могучая спина волжского грузчика несет громадный тюк с товарами, артель с песнями поднимает какой-то гигантский ящик с грузом, выгружаются и нагружаются тих-



винки, расшивы, пронзительно кричат пароходы, лоцмана верной и торопливой рукой вертят направляющее колесо, ловко лавируя между судами, вспенивая Волгу, — стоит неумолкающий гул, бодрая суета жизни.

Там вглуби, отступя от берега, другой темп: позванивают колокола, степенно посиживают в лавчонках воскресшие после революционных бурь торговцы, дремлют старые гауптвахты, будки, особняки, пыльные площади, у ворот на лавочках застыли никому ненужные отжившие старики, в палисадниках неизменный, серый от пыли кротегус, скучающее лицо молодой женщины в окне... Мир, тишина, покой, безделье, скука — никогда, никуда не выезжали из Костромы: никуда не тянет, ничего не хочется, всем пресытились, только порою покажется занятным свисток пассажирского парохода с Волги и чуть-чуть, слегка заноет сердце от непонятного зова.

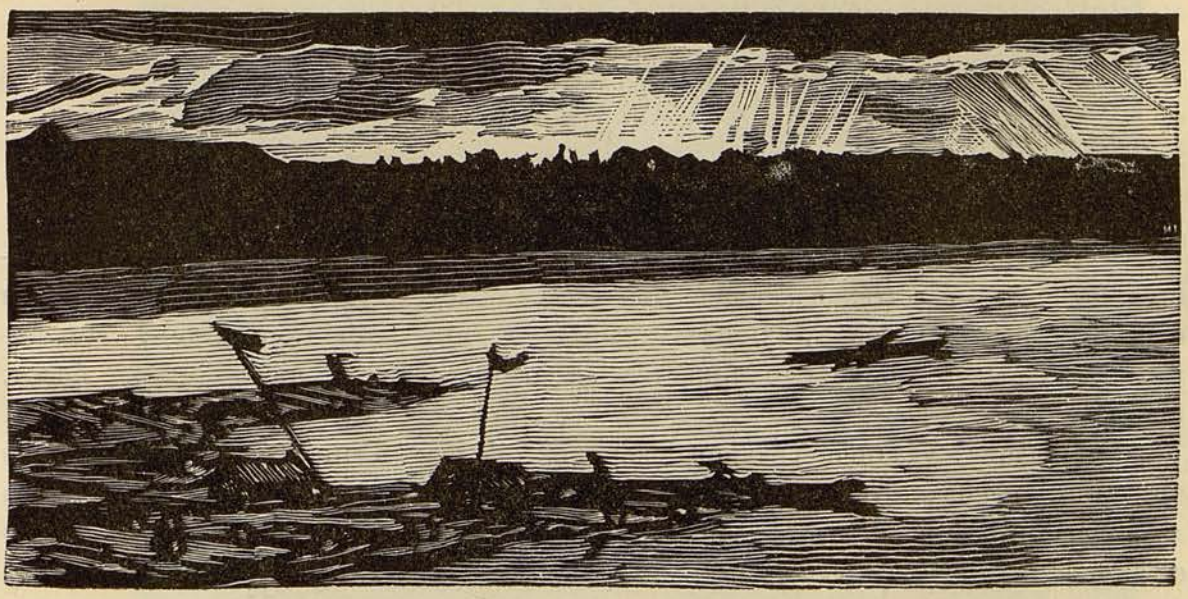
Но это только снаружи; внутри и рабочий берег Волги и вся остальная Кострома связаны со своей костромской землей; ветхое платье Адама не снять долго, по крайней мере, десятилетия, — местный и общий провинциальный отпечаток лежит на всем: запах нефти и запах деревянного масла, грибов, селедок, вафель, рыбы, мочала, ассенизационной бочки, дегтя, смолы не исключают друг друга, веют над городом, вдыхаются неразборчивым обонянием провинции. Ходишь по улицам, переулкам, площадям, заглядываешь на церковные дворы с особым чувством открывшего немного странный, непривычный, но притягательно-интересный мир. Та подавляющая каменная масса большого города, загораживающая небо, уничтожающая дали, самый воздух, свет, словно лежащаяся на плечи жителей, здесь, в Костроме, кажется какой-то небылицей, миражем, — здесь свободно, легко, не устают ноги от камня, повсюду небо, совершенно неожиданно из лабиринта путаной стройки вдруг заблестит Волга, затемнеют леса вдали, покажется пестрое стадо... Что-то крепкое, устойчивое, вековечное, неумирающее конкретно ощущаешь на каждом шагу: чего стóят полосатые фонарные столбы на главной улице от первой четверти XIX столетия, будки бывших часовых, приземистые постоялые дворы, каланча, ряды, зеленая лужайка в середине города, бредущая сама собой лошадь, старушка с подоткнутым подолом, мальчишка без штанишек, по Рубенсу обращенный к прохожим...

Павлов в своих гравюрах прошел мимо костромского быта, живущего в его обитателях, он попытался запечатлеть костромской пейзаж, главным образом, архитектурный, в котором, конечно, так же, как бы в статическом состоянии, обитает этот быт. Вот пузатая маленькая церковь прильнула к двухъэтажному дому, в котором разместилась „чайная“, вот старый рынок с дорическими колоннами и полукруглыми окнами, вот площадь с группой церквушек, — ансамбли, более нигде не встречающиеся. Общие архитектурные формы, но с несомненными местными особенностями, позволяющими говорить о костромском индивидуальном стиле. Гравюры сделаны немного черство, без обычной у Павлова уверенности резца. Может быть, для Костромы характернее было бы взять пространственно бóльшие размеры, поскольку Кострома красива и типична в целом. Сохранившиеся акварели 50-х годов, изображающие Кострому именно так, обладают куда сильнейшей убедительностью. На этот раз и выбор точек взят не особенно удачно. Глаза невольно ищут, например, жемчужину Костромы — Воскресенье-на-Дебре. Сколько в ее раскраске богатейшего материала для цветной гравюры, красочных эффектов, сколько изысканных линий — и при всем этом сколько быта, чувства местности, провинциализма! А калитки у собора, абсиды мно-

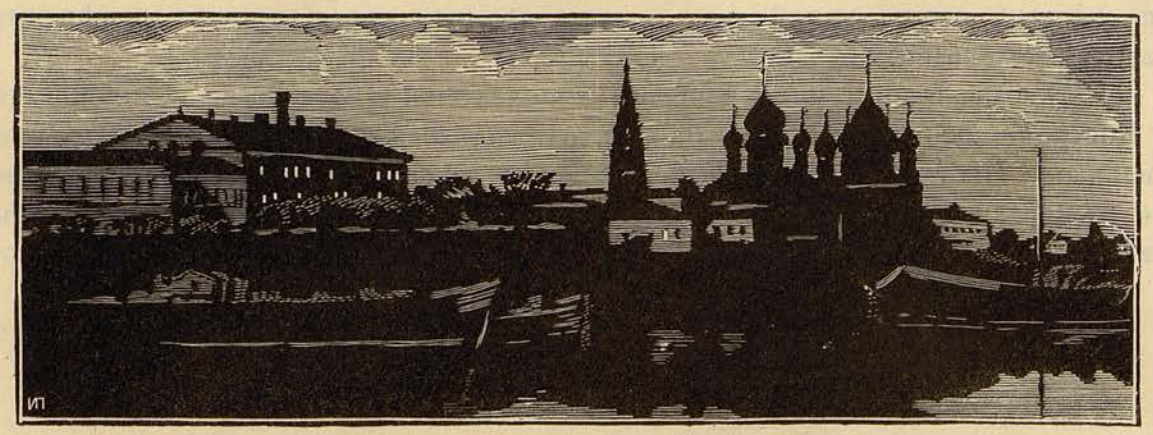
СТАРЫЙ РЫНОК В КОСТРОМЕ

гих церквей, сонмы чешуйчатых главок, укромные части окраин с профилями далеких колоколен?

Павлов прошел мимо наиболее значительного по красоте и типичности в Костроме. Это очень жаль. Вполне, однако, должна удовлетворить гравюра дворика в Ипатьевском монастыре. На фоне деревьев вырисовывается шатрик не то церкви, не то башни; к нему, чуть ниже, примыкают заборы, деревянная лесенка. Только глаз настоящего художника может подметить всю кра-



сочную силу и занимательность такого пейзажа. Знаменитый монастырь, особенно прекрасный по местоположению во время половодья, когда вода Костромки подкатывается к белым стенам почти вплотную, во многом искаженный переделками (слишком много на него обращали внимания при царизме), роковой для страны, выпестовавший родоначальника династии Романовых, был бы скучен во всякой иной передаче, вследствие бесконечного количества прежних воспроизведений с него. Тем более ценно и дорого, что в затасканном сюжете художник отыскал „живое место“.



ЯРОСЛАВЛЬ

Верховья Волги. Она уже мелководнее; чаще слышится на ее песчаных берегах надрывная песня бурлаков; жизнерадостность нижней Волги с приближением к северу сменяется мрачным и угрюмым пейзажем. Это понятно, — на левом берегу начинается „заволоцкая Русь“, тысячи верст болот, гатей, лесов.

Павлову удались гравюры верхней Волги; в них есть несомненная подлинность грозного и меланхоличного пейзажа. Темные лесные берега, за лесами высунулись острые мечи солнечных лучей, плывут черные плоты с крошечными избушками по зловещей, нахмуренной реке, северный ветер хлещет маленькими флажками, водруженными на шестах у избушек, тревожно и сосредоточенно работают погонщики... В тех же водах на другой гравюре огромная „беляна“ тихохонько, грузно качается на волнах. Удивительное архитектурное сооружение, тип которого, вне сомнения, появился на Волге в глубочайшей древности, любимое народом, непременно расписываемое разными колерами, обнаруживающее огромную художественную находчивость и выдумку наших предков в раскраске, — придает великой реке незабываемую красоту.

К величайшему сожалению, в связи с общим умиранием народного прикладного искусства, и „беляна“ становится редкой гостьей на Волге. Их все меньше и меньше. Доживают свой век разбитые бурями „беляны“ на отмелях Волги, ходят последние навигации оставшиеся, новых не строят, заменяя обычными, удобными баржами для буксиров. Скоро мы уже не увидим на Волге фантастического судна с двумя избушками на корме, с крыльями

ПЛОЩАДЬ В КОСТРОМЕ

по бокам, отливающими разными цветами, могучего по силуэту деревянного чудовища, плававшего сотни лет. Павлов загравировал „беляну“ с большой любовью и внимательностью.

Все дальше и дальше вверх. Последние города на Волге.

Ярославль не производит с реки того завораживающего впечатления, которое возникает при виде Костромы. Раскидавшийся длинной береговой линией, он кажется даже скучноватым, не обещает того чудного ансамбля, какой находишь внутри города на берегах Которостли. Летучая фраза „красавец Поволжья“ должна быть отнесена, конечно, к этому внутреннему Ярославлю. Только тут познаешь всю высоту когда-то пышной художественной культуры, развернувшейся в Ярославле. Если всем нашим городам максимум живописности придает церковная архитектура, то в Ярославле она довлеет особенно. Не замечаешь нарядных „рубленых“ домиков обывателей, бывших барских особняков, купеческих хором, их превосходного нагромождения в красивые массы,— все это только детали, добавления, рисунок на полях. Ярославль неповторим как город церквей, как грандиозный музей древне-русского искусства, шедевры которого стоят во всех ярославских „концах“ и „приходах“.

Никола Мокрый, Иоанн Златоуст, что в Коровниках, Иоанн Предтеча, что в Толчкове, Петр и Павел, Богоявление, Никола Надеин, Рождество, Спасский монастырь и др.,—множество церквей, раскиданных каким-то роскошным венцом по всему Ярославлю, создают своеобразное и чарующее архитектурное зрелище. Ныне они никого, ясно, не умиляют как места отправления религиозного культа, как „хоромы богу“,— они являются лишь памятниками высокой архитектуры, продуктом старого народного творчества, созданиями безыменных зодчих, выдвинутых, несомненно, народными низами (правящие классы были всего лишь заказчиками), творившими коллективную историю искусства.

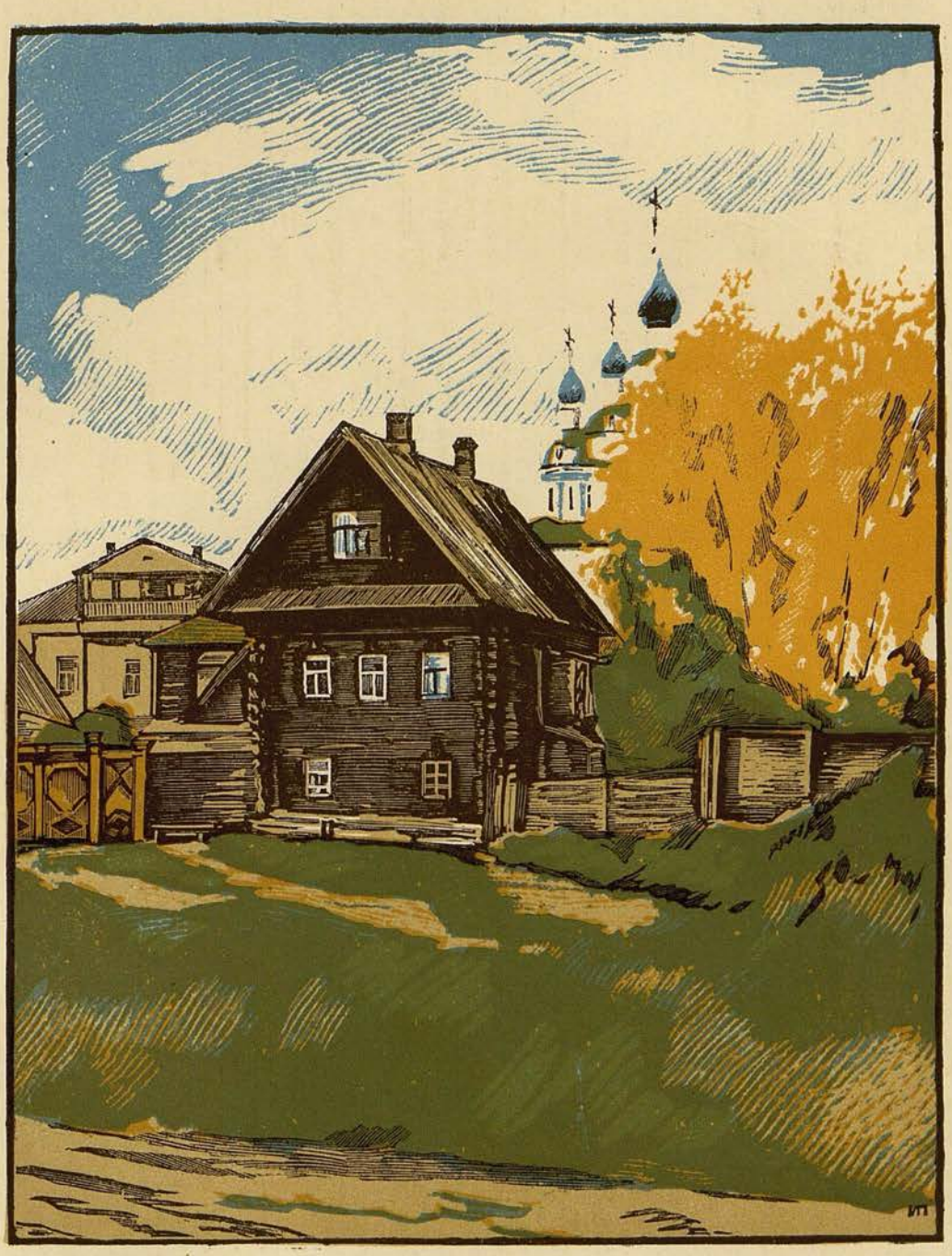
На почве Ярославля искусство XVII столетия оставило самый плодоносный след, сотворило город, по праву называемый местными исследователями „Флоренцией русского севера“. Ярославль, единственный из городов, воспринимается, как древний исключительно. Ни фабрики, ни заводы, ни железнодорожный мост через Волгу (не лишенный своеобычной красивости) не искажают и не могут исказить художественного облика Ярославля, ни, конечно, дополнить его. Ярославль представляется городом, в котором отдельные архитектурные пункты сверкают такими самоцветными камнями, в сиянии которых тонет всё, мешающее интенсивности излучения. Памятники в Ярославле царят над городом, над людьми, там живущими, существуют совершенно самостоятельно, независимо. Каждый в отдельности и все вместе они образуют пейзаж, исключающий всякое сравнение с какой-либо другой подобной архи-

тектурной группой. У их подножий течет обычная, с обычным привкусом, провинциальная обыденная жизнь, как текла она и раньше.

Памятники Ярославля настолько совершенны, что даже тогда, когда окружающие их слободы назывались — Шилово, Доилово, Тверицы, Коровники, Стрелецкая, с улицами Киселюхой, Зарядьем, Подзеленьем, Таборами, Нетечею — они существовали вне быта, не отражали колоритных наименований быта и местной истории. Они уже и в то время являлись чистой, беспримесной декорацией Ярославля. Разве одно связывало их с местной историей: памятники свидетельствовали о торговом значении Ярославля в XVII столетии, о богатом заказчике.

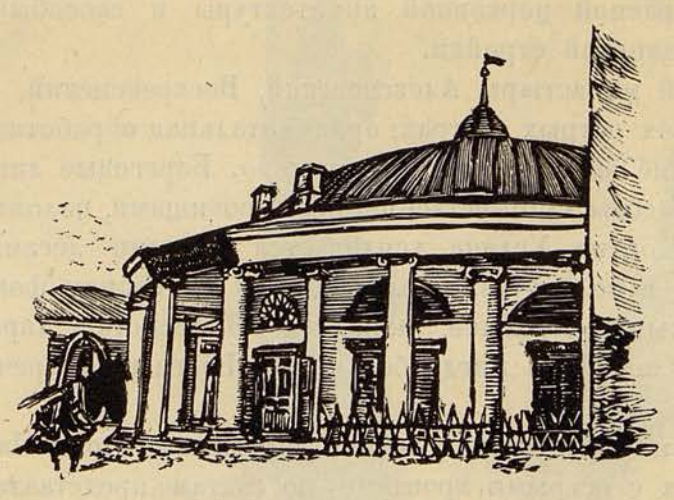
С овладением Московией всей Волгой, с развитием торговли через Холмогоры с Англией еще в конце XVI столетия, Ярославль начинает занимать узловое положение на великих торговых путях. Рядом с калашными, ветошными и обжорными рядами возникают „фактории" бухарцев, индусов, голландцев, англичан. Город богатеет как-то стремительно и так же стремительно строится. „Вкус к богатому, роскошному, — пишет современный исследователь Ярославля Н. Г. Первухин, — покорил верхний служилый слой и именитое купечество: восточные парчи, китайский шелк, голландские серебряные блюда, французские зеркала, атлас и бархат, местные яркие набойки, северная резьба по кости и дереву; бухарская бирюза, ковры из Персии пестреют в сохранившихся еще доныне духовных и торговых записях того времени. Эта роскошь, для строгого вкуса несколько пестрая и тяжелая, но полная своей стильной яркости, очень повлияла на ярославское зодчество „золотого века", овеяв его несколько крикливой нарядностью барокко".

Что из того, если богатый заказчик стремился оставить о себе монументальную память в образе „преудивленного храма", — зодчий творил независимо свой чертеж, связанный лишь распространенной в то время архитектурной формой для мемориальных монументов — формой храма. Он был зависим только в „что", но „как" — а оно в искусстве самое существенное и определяющее степень совершенства — ничем не ограничивалось. Конечно, пролетарское государство — новый заказчик — будет иметь и новую архитектурную форму для увековечения своих деяний: храм оно не закажет; в этом смысле церковно-архитектурный Ярославль связан с бытом, с господствующим классом-заказчиком. А так как мы уже умеем ценить художественное наследство, доставшееся от внутренне чуждой среды, научились пользоваться им безотносительно к внутреннему содержанию его, без излишней враждебности к мертвым образам, потерявшим характер злободневности для нас, то храмы Ярославля легко и просто оказывают свое влияние только на наши глаза, возбуждаемые замечательными памятниками творческой деятельности старины.



ДВОРИК В УГЛИЧЕ

В гравюрах Павлова Ярославль, надо сознаться, отразился слабо. Недурны силуэты церквей на берегу реки, с прижавшимися к берегам баржами, схвачена ротондообразность ярославского гостиного двора, приятны ее круглые линии, но главные шедевры Ярославля остались в стороне. „Красавцу поволжья“ не повезло. Печальна его судьба и в революции: белогвардейцы вынудили загрохотать по нем красные пушки, ядра которых нанесли неисчислимые потери.



УГЛИЧ

Маленький город-неудачник, чья почва удобрена реками народной крови. Она лилась тут из столетия в столетие, много раз подкрашивая мутную Волгу. Старый, древний, несчастный город... Основанный в эпоху удельной Руси, он пережил ряд кровавых расправ в борьбе князей за уделы, пережил татарщину, Смутное время, жесточайшую бойню после убиения последнего сына Грозного—Дмитрия царевича, устроенную Борисом Годуновым,—не перечесть угличских жертв.

На фоне убийств, ссылки туда князей, бояр, беспрерывных народных мятежей, борьбы партий за преобладание на вече летописец с особенным красноречием останавливается на экспедиции Бориса Годунова, после которой Углич не мог оправиться. „Борис разъярися... иных казняху, иным языки резав, иных же по темницам рассылаху, множество людей сведоша в Сибирь, и постави

град Пелымь и ими посадиша; и с того времени Углич запусте". В средние века Углич был значительным городом; было в нем ни много, ни мало — 150 церквей, 17.000 дворов, жило до 40.000 жителей, окружность его по обоим берегам Волги равнялась 24 верстам, по правому берегу Волги шла стена с башнями, внутри ее помещался Кремль с двухъэтажным дворцом, воздвигнутым угличским князем Андреем Васильевичем в 1462 году; в настоящее время это малюсенький городок — тихий, печальный, сугубо провинциальный всем своим житейским укладом, город сна, безмятежного равновесия, стерляжьей ухи, город прекрасной церковной архитектуры и своеобычной по красоте деревянной гражданской стройки.

Покровский монастырь, Алексеевский, Воскресенский, „Дивная" Успенская церковь о трех острых шатрах; орнаментальная обработка их — украшение Углича, ценнейшие вклады в наше искусство. Береговые линии Волги, заставленные такой высоты художественными сокровищами, положительно приковывают взоры. Панорама Углича усиливается густыми лесами, почти подступившими к нему в полукруге,—белые здания на темном фоне очень выигрывают, кажутся выше, стройнее, наряднее. В лесистом характере местности около Углича заключаются нигде больше на Волге не встречающиеся особенности пейзажа.

На зеленых городских лужайках деревянные дома Овсянникова, Букиных и Аксаковых с острыми кровлями по скатам представляют любопытнейший местный тип архитектуры. Каменные дома Овсянникова, Калашниковых, Серебрениковых, Ожеговых, бывшей Городской думы, Бычкова,—занятное отражение в провинциальной передаче классических и барочных элементов,— угличский колонный стиль. Две усадьбы — сельцо Григорьевское и Зыково под Угличем — родственны по стилю этим домам, хотя и более богаты в деталировке.

Маленький город, когда обойдешь его почти весь, вдруг обнаружит одну для него типичную черту: все сооружения его — какая-то архитектурная миниатюра и словно выстроены они одной рукой во все столетия. Так как несомненно они произведения местных мастеров, тут вскрывается любопытная подробность невольного влияния первых архитектурных образцов, становящихся каноном для подобия; есть в этом и очевидное выражение вкусов населения. Нельзя не подумать, что тут проявляется коллективное народное творчество, коллективная забота о сохранении ансамбля.

Цветные гравюры Павлова, в смысле разрешения пейзажных задач, передачи колорита Углича—одни из самых счастливых в сборнике. В набережной города с куском пристани, в узорно-красочных силуэтах церквей, в широком небесном окоеме, в сползающем береге,—внешняя и внутренняя убеди-

ПРИСТАНЬ В УГЛИЧЕ

тельность. Но безусловно интимный дворик с деревянным серым двухъэтажным домом, золотые деревья позади его, три синих главки, хорошо поставленных и нарисованных, создают бо́льшее впечатление, по подлинности с живой натурой Углича. В этой гравюре уловлена и миниатюрность города, его особый возникающий в миниатюре аромат. Миниатюры, в которых композиция ограничена минимумом, удаются Павлову лучше во всех его работах. Это художественное качество Павлова проявилось, например, в его гравюрах „книжных знаков“.

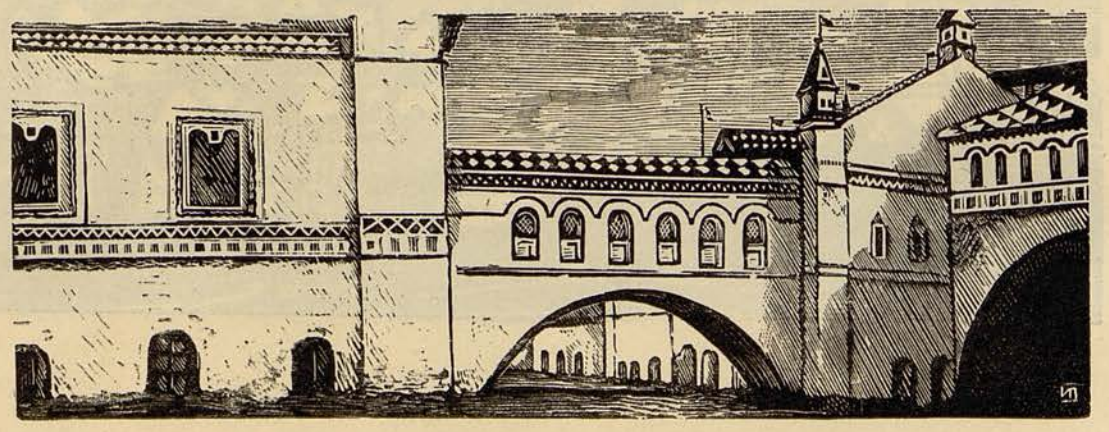
РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Волга где-то рядом, за низменными луговинами, за лесами, там идут „беляны“, кричат пароходы, стоят оживленные города, заснули „на народе“ Плес, Углич, Василь-Сурск, а тут вековая глушь, вековое затишье в унылом, оголенном просторе местности. Затерянный город. Но другого такого нет на всем необозримом просторе нашего государства. Ростовская декорация могла появиться только однажды. Это замкнутое архитектурное целое, продуманное до конца, осуществленное единой волей, одним зарядом вдохновения.

Мы предполагаем, что создателем редкостного ансамбля знаменитой Ростовской митрополии был митрополит Иона Сысоевич (1607—1690). Печать его индивидуальности совершенно очевидна на всем ростовском Кремле. Долгие строительные годы он неуклонно, видимо, руководил работами или в скудных

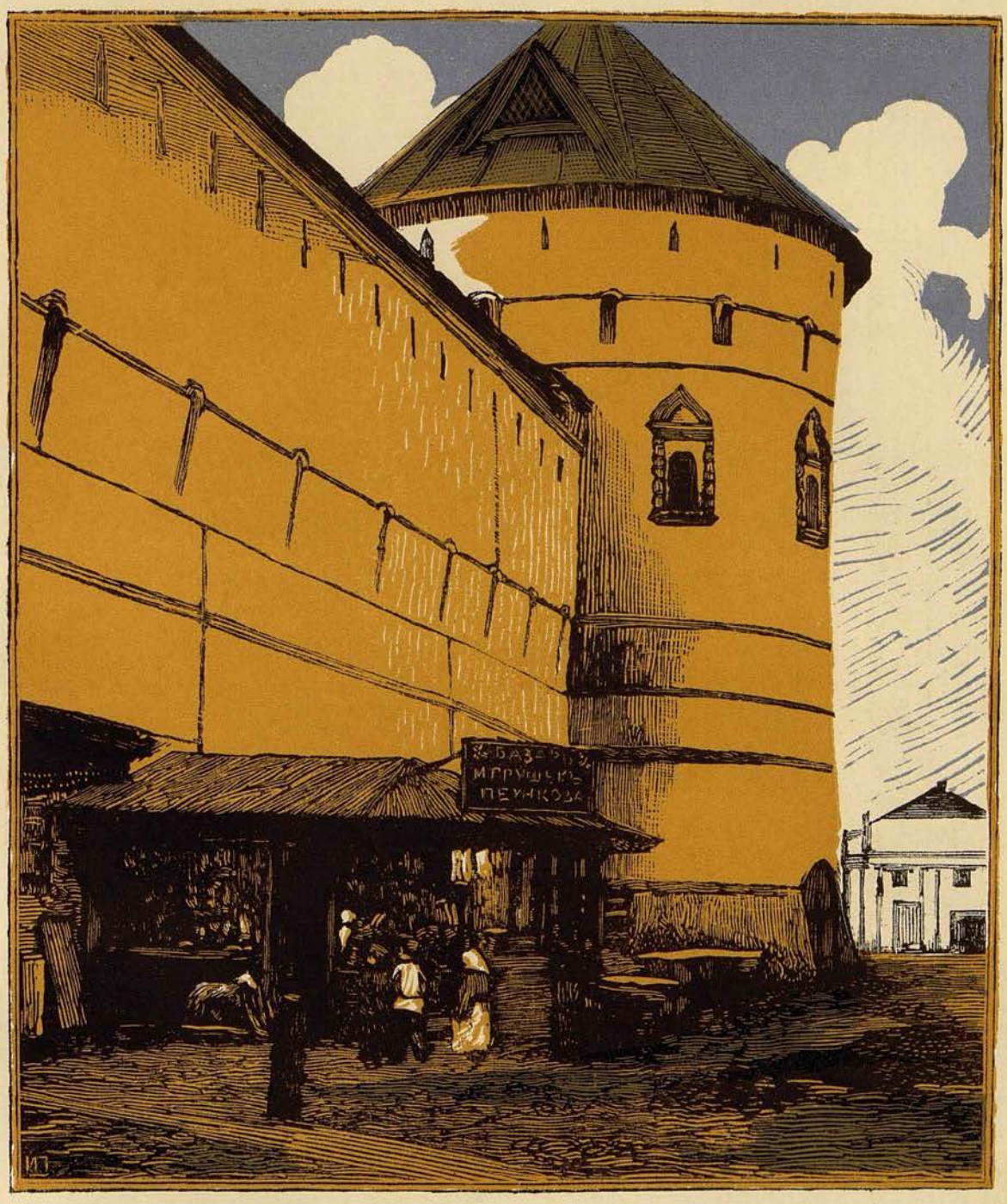
документах, по принятому тогда обыкновению, не сочли нужным назвать другого, действительного гениального мастера, воздвигшего Кремль. Не подлежит сомнению—грандиозная ростовская композиция не могла быть осуществлена без указующих чертежей. По многовековой нашей некультурности не сохранили чертеж, казавшийся нужным только во время работ, и, может быть, заказчик закрыл собою художника. Архив митрополии в XVIII веке валялся в башнях Кремля, в XIX веке им пользовались дети для изготовления змеев,—тогда мог погибнуть чертеж, если он там случайно находился. Индивидуальность Ростова является исключением из общего коллективного творчества древней Руси. В этом наибольшая особенность памятника.

Сказочная красота Ростова общеизвестна, общепринята всей страной. Надо видеть то углубленное внимание, охватывающее случайных пассажиров



вагона — хотя поезд железной дороги проходит мимо Ростова,— чтобы понять, как велика слава Ростовского чуда. Славный своей историей, заметный во все острые и спокойные моменты жизни Московского государства, бывший целые века как бы на виду у всей страны, Ростов исторический перестал существовать, но Ростов архитектурный, Ростов как создатель своего художественного облика — бессмертен.

Копошащийся за стенами людской Ростов, разводящий цикорий, мяту, занимающийся огородничеством, ловлей рыбы, торгующий, спекулирующий, грязный, кажется каким-то чуждым и болезненным наростом на прекрасном теле могучих каменных гладей храмов, певучих куполов, гигантских круглых башен, стен, въездов, палат. Только озеро Неро унылое, огромное, нездоровое своими испарениями, тесно связано с митрополией, отражая в себе пленительный двойник, являясь дополнительной естественной декорацией ансамбля. Кто



БАШНЯ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

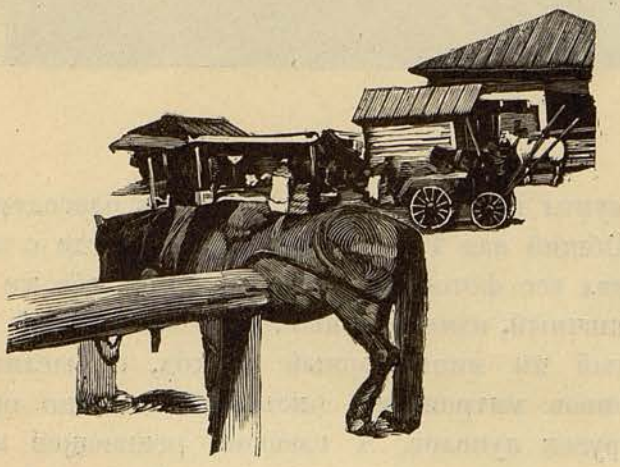
хотя мельком, издали видел соединение светлой огромной площади озера с ростовской митрополией на берегу, грудки изысканнейших куполов, шатры башен, всю невыразимую тонкость силуэта, композицию размещения белых масс, тот навсегда унесет в своей душе радостное воспоминание о видении. Близкие переживания возникают у стен Кирилло-Белозерского монастыря в Кириллове, также расположенного на берегу озера (Сиверского), особенно, когда смотришь на него с высокой дороги в Горицы, верст за пять от города. Но первенство, конечно, остается за Ростовом.

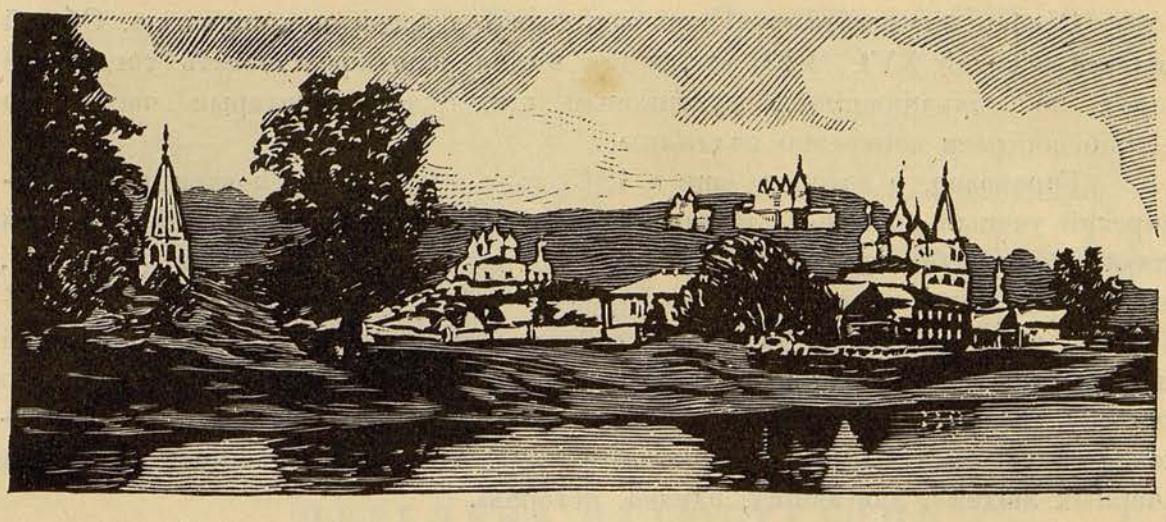
Павлов не сумел воплотить образ Ростова в благодарных для этой цели линиях гравюры. Общий вид Ростова с озера Неро, где с такой затейливостью он, кажется, вырезал все фотографически видимое, все же не Ростов настоящий, Ростов игрушечный, измельченный, даже аляповатый, лубочный. Павлова сгубил излюбленный им миниатюрный подход, немыслимый при передаче грандиозных массивов митрополии, чистейших и ясно проведенных линий, совершенных нагрузок куполов. А главное, решающее все в его гравюре, Павлов, к сожалению, не уловил своим опытным глазом композиционного пространства в расположении построек, ошибся в расстоянии между ними и сгубил при передаче резцом редкостную закономерность ростовской композиции. Не хочешь, но принудительно вспоминается Ростов Рериха, Ростов Остроумовой-

Лебедевой. Переход в Белую палату точнее, импозантнее, но и тут приподнятость арки, в натуре ближе к земле, а потому естественнее конструктивно (чувствуешь, как тяжелый переход давит в распорки арки, являющиеся естественными контрафорсами), несколько разрушает впечатление.

Только цветная гравюра одной из башен и часть стены с деревянным навесом-пристройкой епанчевидного покрытия с воздвигнутой на нем вывеской: „Базар игрушек Пеункова“, очень недурна, запоминается, радует... И в смысле живописных эффектов эта гравюра, думается, выгодно отличается от рядовых работ Павлова. В однотонной гравюре причала к пароходу на озере Неро с громадным баркасом у узеньких лав, по которым с возами сторожко ступают лошадки, почувствована низина, котловина местности, и есть в ней чисто бытовое очарование, как и в шустром торговце Пеункове, разложившем свои игрушки у древних стен.

Жаль, что Павлов не использовал, а вместе с ним такой упрек уместен вообще русским художникам, чрезвычайно разнообразных красочных контрастов, которые возникают в разное время дня и ночи в освещении озера и ростовской митрополии. Нигде, кажется, в таком тесном союзе не находятся гениальное творчество человека и природы, как в прекрасно-белом, многобашенном Ростове; они сосуществуют, сливаются в единый образ, растворяются друг в друге, немыслимы раздельно, теряя каждое в очаровании, им свойственном.





ГОРОХОВЕЦ

В гербе города Гороховца на желтом поле произрастает горох. Гороховый город. Расположен он на Клязьме во Владимиро-Суздальской области. В 1239 году летописец записал: „взяша татарове мордовскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град Гороховец пожгоша". Опорный пункт колонизации мордовской земли владимирскими князьями, он мог иметь некоторое историческое значение только до того момента, пока пограничная линия не передвинулась дальше. Так и произошло. Гороховец всегда оставался крошечным городком с незначительным населением. Вдали от больших дорог, на усторонье, здесь потекла из века в век примитивная, затишная, провинциальная, усадебная жизнь. Гороховцы использовали естественную живописность окрестностей, заключенную в возвышенностях, лесах вокруг, реке Клязьме, и создали как бы коллективную усадьбу, монастырек, раскидав деревянную стройку жилья по горкам, разбив по отлогостям вишневые сады, огороды, расставив на клочке земли шатровые церкви, колокольни, купола. Вся свободная энергия, которой, повидимому, оставалось немало от трудовой, всласть,—только для себя, для своего натурального хозяйства, жизни,—сосредоточилась на украшении своего уголка. Творили по-собственному разумению и вкусу, не подвергаясь ничьим влияниям, чутьем угадывая общий стиль эпохи. В результате умножилось художественное наследие страны бесподобным по своеобразию архитектуры избяным городком, бесподобно обработанным куском природы.

Особенно удивителен Гороховец своей вековой нетленностью. Общий вид его — живой XVI, XVII век, и мы можем ясно представлять тогдашний город по сохранившимся рукописным сведениям; некоторые части его в типе построек конкретно подлинны.

Гороховец, о котором еще в 1913 году писал один почтенный владимирский ученый археолог „памятниками старины очень не богат", является открытием последних лет. Красота его становится предметом изучения, охраны: в него начинается паломничество. Среди многочисленных, повсеместных остатков, только остатков старины, наткнуться на глухой медвежий угол, на живую декорацию обстановки прошлого, на законченную целостную картину древности, в некотором роде,—чудо. И тем бо́льшее чудо, что Гороховец сберег ансамбль частного строительства, жилье обыкновенных заурядных „черных людей", двигавших, однако, историю.

Церковные памятники его при всем „гороховском" своеобразии лишь множественный образ, пересказ с местным говорком знакомых архитектурных форм; гражданские памятники—единственные уцелевшие в стране реликвии.

Видавший Гороховец, забыть его не в состоянии. С любой точки окрестностей такая открывается несравненная красота, что нельзя оторвать глаз, наглядеться, насытиться зрелищем, отвязаться от нахлынывающих исторических воспоминаний.

У древней, покосившейся стены Никольского монастыря на горе, напоминающей беззубую, столетнюю, сморщенную старушку, сидишь часами и смотришь на городок внизу под тобою, на смутные дали за Клязьмой, на всю эту чуткую, насторожившуюся, застывшую в вечном молчании природу, никого нет, словно один ты во всем мире, случайно заблудился и попал в непонятную, кем-то и когда-то и для чего-то сделанную театральную постановку.

Павлов уловил внутреннюю сущность Гороховца: небо, облака, шатры колоколен, белые силуэты храмов, главки, горки, деревья, река—и ни одной живой души! Среди всей нашей провинции нет образа большей заброшенности, уютности, тишины, даже Плёс—столица перед Гороховцем—но красота Гороховца по своей скромной обаятельности и нежному аромату быта поспорит с гениальной ростовской митрополией.

Москва, 1923 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

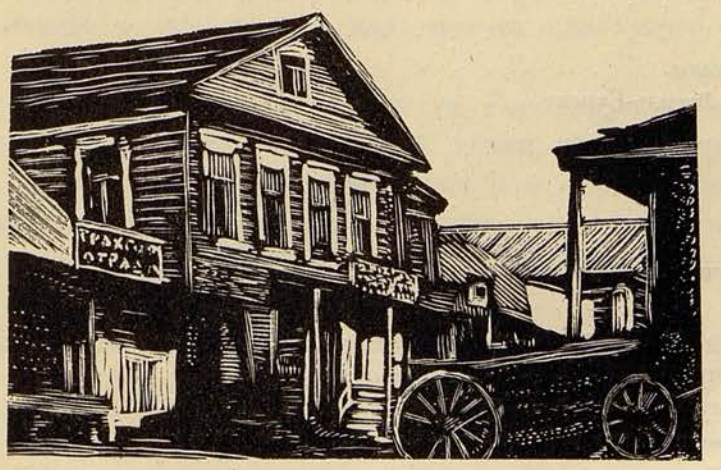
С. Герасимов. И. Н. Павлов за работой. Литография. (Фронтиспис) . . .

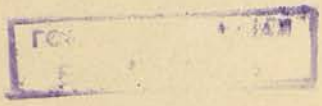
Гравюры в тексте.

Симонов монастырь 5
Шлюз Сиверский 9
На Оке 12
Рязань 13
Базар в Касимове 14
Касимовские гробницы 15
На Волге 16
Ц. Косьма и Дамиан 17
С. Павлово 18
С. Павлово 19
Нижний-Новгород 20
У перевоза в Василь-Сурске 21
«Беляна» 23
Решма 25
Плёс 26
Кострома 27
Верховья Волги 29
Ярославль 30
Гостиный двор в Ярославле 33
Ростовская митрополия 35
Переход в Белую палату в Ростове 36
Перевоз на озере Неро в Ростове 37
Касимовский базар 38
Гороховец 39
На Волге 41

Гравюры на отдельных листах.

	Стр.
Село Ловцы	7
Вознесенье в Коломенском	9
Домик в Коломенском	11
Двор в Коломне	13
Пятницкая башня в Коломне	13
Дворец князя Олега Рязанского в Рязани	15
Рынок в Касимове	17
Застава в Касимове	17
Село Павлово	19
Село Павлово	19
Слияние Оки с Волгой в Нижнем	21
Башня в Нижнем-Новгороде	21
Избы в Василь-Сурске	23
Меловые горы на Волге	25
Волга у Жигулей	25
Дворик в Ипатьевском монастыре	27
Старый рынок в Костроме	29
Площадь в Костроме	31
Дворик в Угличе	33
Пристань в Угличе	35
Башня Ростовской митрополии	37





20

Лавка
писателей
Цена 20 к.

2610-25/V-28